

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

9.3

3 выпуска в год на 17 языках

Разговор о социологии
с Цинчжи Хуанем

Кристине Шикерт

«Великая
трансформация»:
75 лет спустя

Бригитте Ауленбахер
Андреас Нови
Фред Блок
Маргарет Р. Сомерс
Антонино Палумбо
Алан Скотт
Гарет Дейл
Джонатан Д. Лондон
Аттила Мелег
Крис Ханн

Вспоминая
Энн Барден Дени

Линда Кристиансен-Раффман
Анджела Майлз
Мэрилин Портер

Миграция

Карин Шершель
Герда Хек
Карлос Сандоваль
Бедиз Йылмаз
Сара Шиллигер

Теоретические
перспективы

Юлия Кайзер
Яспер Штанге

Социология
из Сенегала

Мустафа Тамба
Сулейман Гомис
Эль Хаджи Малик Си Камара
Самба Диуф
Мухамед Мустафа Дийе

Открытый раздел

> Права женщин в повседневной практике

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 9 / ВЫПУСК 3 / ДЕКАБРЬ 2019
<http://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакторов

В странах Глобального Севера и Юга в последние годы горячо обсуждаются проблемы изменения климата и экологический кризис. В своем интервью профессор сравнительной политики в Пекине (Китай), сторонник экосоциализма Цинчжи Хуань освещает китайские дебаты по этому вопросу, изменение политики в отношении окружающей среды и подходы к этой проблеме в последние десятилетия.

Выдающаяся работа Карла Полаanyi «*Великая трансформация*» была опубликована в 1944 г. и вдохновила многих социологов, антропологов, экономистов и политологов. Первый раздел этого номера «Глобального диалога», подготовленный к публикации президентом Международного общества Карла Полаanyi Андреасом Нови, отмечает 75-летие этой книги. Авторы трудов, посвященных наследию Полаanyi (Фред Блок, Гарет Дейл, Крис Ханн и Маргарет Р. Сомерс), а также эксперты, которые опираются на идеи Полаanyi в анализе современного общества, обсуждают различные темы: реконструируют интеллектуальный контекст, релевантный публикации «*Великой трансформации*», анализируют экономические, социальные и политические процессы последних десятилетий в перспективе Полаanyi.

В феврале 2019 г. ушла из жизни Энн Барден Дени. Мы будем помнить ее вклад в социологию и ее активное участие в работе МСА. Об этом пишут в своей мемориальной статье Линда Кристиансен-Раффман, Анджела Майлз и Мэрилин Портер.

Второй симпозиум журнала, подготовленный Карин Шершель, обсуждает миграцию – тему, которая давно изучается социологами и привлекает особое внимание в последние годы. В этих статьях рассматриваются различные проблемы: исторические перспективы, причины миграции, ситуации разных категорий мигрантов (в особенности беженцев), противоречивое политическое регулирование и участие гражданского общества.

Социальное движение против изменения климата, которое озвучивает растущий протест молодых людей перед лицом экологической катастрофы, угрожающей жизни следующих поколений, стало заметным явлением нашего времени. Статья Юлии Кайзер и Яспера Штанге представляет сравнительный классовый подход к мобилизации и созданию коалиции, что является новой стратегией движения в защиту окружающей среды.

Мустафа Тамба подготовил в печати статьи социологов из Сенегала. В фокусе внимания – социология образования, ее организация и доступ к нему в различных типах школ.

В открытом разделе Бенджи Сюлюю, постоянный представитель ООН в МСА, рассказывает о 63-й сессии Комиссии по положению женщин, в которой она принимала участие. ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрре,
редакторы «Глобального диалога»

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте МСА](#).

> Присылайте статьи на адрес globaldialogue.isa@gmail.com.

ISA International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Кристине Шикерт.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Хуан Лехаррага.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Сирахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коити Хасэгава, Хироси Исида, Грэйс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзан Макдэниел, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуркаяста, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахроки.

Региональные редакторы

Арабский мир: Сари Ханафи, Мунир Сайдани, Фатима Разуани, Хабиб Хадж Салем, Сурайя Мулуджи Гарруджи, Абдельхади Аль-Хальхули, Саида Зине.

Аргентина: Алехандра Отаменди, Хуан Игнасио Пиовани, Мартин Ди Марко, Пилар Пи Луиг, Мартин Уртасун.

Бангладеш: Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джувель Рана, У. С. Рокея Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Кази Фадия Эша, Хелаль Уддин, Мухаймин Чаудхури, Мухаммед Юнус Али.

Бразилия: Густаво Танигути, Анжело Мартинс Жуниор, Лукас Амараль Оливейра, Андреса Гальи, Дмитри Сербонсини Фернандес.

Индия: Рашми Джайн, Нидхи Бансал, Прагья Шарма, Маниш Ядав, Сандип Мил.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лучия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияти, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Лакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

Иран: Рейханех Джавади, Нияеш Долати, Аббас Шахраби, Сайед Мухаммад Муталеби, Эхсан Пурнеджати.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспаета, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул.

Польша: Якуб Барщевский, Александра Бернацкая, Ивона Бояджиева, Катажина Дембская, Моника Хеляк, Сара Герчиньская, Кинга Якела, Юстына Кошиньская, Адам Мюллер, Вероника Пек, Зофия Пенза-Габлер, Джонатан Сквил, Марьянна Щепаняк, Агнешка Шипульская, Александра Вагнер.

Россия: Елена Здравомыслова, Анастасия Даур, Валентина Исаева.

Румыния: Косима Ругиниш, Раиса-Габриэла Замфиреску, Лучана Анэстэсойе, Кристиан Кира, Александра-Йоана Драгомир, Диана Александра Думитреску, Раду Михай Думитреску, Юлиан Габор, Дан Гытман, Юлия Жугэнару, Йоана Мэлурия, Бьянка Михэйлэ, Рареш-Михай Мушат, Оана-Элена Негря, Мьоара Параскив, Алина Кристина Пэун, Кодруц Пынзару, Сусана Мария Попа, Адриана Соходоляну, Габриэла Стоян, Мария Стойческу, Мария-Кристина Титья, Кармен Эуджения Войня.

Тайвань: Чжин Мао Хо.

Турция: Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврэн.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Япония: Сатоми Ямамото, Юко Масуи, Рихо Танака, Мариэ Ямамото, Сёго Ариёси, Кадзума Кавасаки, Саэ Кодама, Коки Коянаги, Тацухиро Охата, Сюдзи Сугихара, Рё Вакамацу.

Великая трансформация. Magnum opus Карла Поланьи был опубликован в 1944 году. В нем прослеживается экономическая, социальная и культурная история капитализма в 1920-е–1940-е годы, свидетелем которой был автор. Это глубокое исследование социальных процессов капиталистического общества и того, что может произойти при капитализме в будущем. Данный симпозиум посвящен 75-летию годовщины выхода в свет этой книги. Статьи раздела освещают историю вопроса и рассказывают о вдохновенных Поланьи исследованиях.

Миграцию нельзя рассматривать как изолированный феномен. Миграция – результат взаимодействия таких различных факторов, как система социальных, экономических и культурных прав, гражданство, разделение национальных государств, ограничивающий контроль миграций, глобализация. Статьи этого раздела посвящены историческим перспективам и анализу причин миграции, освещают ситуацию мигрантов и беженцев, а также анализируют противоречивое политическое регулирование и роль гражданского общества в динамике миграционных процессов.

В этом разделе представлены теоретические и эмпирические исследования социологов из Сенегала, посвященные системе образования и глубокий анализ различных аспектов этой системы, на примере особенностей функционирования франко-арабских частных и государственных школ и их отношения с религией.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> В номере

От редакторов **2**

> РАЗГОВОР О СОЦИОЛОГИИ

В поддержку экосоциализма: интервью с Цинчжи Хуанем
Кристине Шикерт, Германия **5**

> «ВЕЛИКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ»: 75 ЛЕТ СПУСТЯ

75 лет «Великой трансформации»
Бригитте Ауленбахер, Андреас Нови, Австрия **9**

«Великой трансформации» Поланьи исполнилось семьдесят пять
Фред Блок, Маргарет Р. Сомерс, США **11**

Рынок как искусство государственного управления: читая Поланьи
Антонино Палумбо, Италия, Ален Скотт, Австралия **13**

Поланьи, система учета и повестка «После ВВП»
Гарет Дейл, Великобритания **15**

Великие трансформации: маркетизация Восточной Азии
Джонатан Д. Лондон, Нидерланды **17**

Страх замещения населения
Атилла Мелег, Венгрия **19**

Путь к популизму
Крис Ханн, Германия **21**

Непреходящее наследие Карла Поланьи
Андреас Нови, Австрия **23**

> IN MEMORIAM

Энн Барден Дени: дань памяти
Линда Кристиансен-Раффман, Анджела Майлз, Мэрилин Портер, Канада **25**

> МИГРАЦИЯ

Миграция – в движении
Карин Шершель, Германия **27**

Европейские представления и африканские реалии мобильности
Герда Хек, Египет **29**

Караван из Центральной Америки: исход XXI века
Карлос Сандоваль, Коста-Рика **31**

Беженцы как несвободная рабочая сила: заметки из Турции
Бедиз Йылмаз, Турция **33**

Стирание границ в городах солидарности
Сара Шиллигер, Швейцария **35**

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Студенты за будущее: продвижение экологической классовой политики
Юлия Кайзер, Яспер Штанге, Германия **37**

> СОЦИОЛОГИЯ ИЗ СЕНЕГАЛА

Частное католическое образование в Сенегале
Мустафа Тамба, Сенегал **40**

Социология сенегальской школьной системы
Сулейман Гомис, Сенегал **42**

Стратегические изменения в системе франко-арабского образования Сенегала
Эль Хаджи Малик Си Камара, Сенегал **44**

Светское частное образование в Сенегале
Самба Диуф, Сенегал **46**

Социальная антропология религиозного лидерства в Сенегале
Мухаммед Мустафа Дийе, Сенегал **48**

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Права женщин в повседневной практике
Бенджи Сюлю, США **50**

“Инициативы, мобилизующие граждан под лозунгом «города солидарности», объединены призывом к воплощению конкретной утопии. Стремление к конкретной утопии может помочь выйти за рамки политических ограничений, установив связь между миграцией и проблемами социальной политики вместо того, чтобы противопоставлять их друг другу.”

Сара Шиллигер

> В поддержку экосоциализма

Интервью с Цинчжи Хуанем

Цинчжи Хуань – профессор сравнительной политологии в Пекинском университете (Китай). В 2002–2003 гг. был приглашённым преподавателем Института Гарвард – Яньцзин в Гарвардском университете (США), в 2005–2006 гг. работал научным сотрудником в Мангеймском университете (Германия) при поддержке стипендии Гумбольдта. В фокусе исследований Цинчжи Хуаня – экополитика, а также европейская и левая политика. Он является автором и редактором множества книг по этой тематике. В их числе «Сравнительное исследование европейских зелёных партий» (*A Comparative Study on European Green Parties*, 2000) и «Экосоциализм как политика. Переустройство основ нашей современной цивилизации» (*Eco-socialism as Politics. Rebuilding the Basis of Our Modern Civilisation*, 2010).

Интервью проводит **Кристине Шикерт**, административный директор Исследовательской группы по вопросам обществ пост-роста в Университете Фридриха Шиллера в Йене (Германия) и помощник редактора «Глобального диалога».

Цинчжи Хуань. Из архива Йенского университета.

КШ: За последние годы климатические изменения стали одной из популярнейших тем политической повестки, по крайней мере, в странах Глобального Севера. Не могли бы Вы описать роль этой дискуссии в китайской политике и современном китайском обществе?

ЦХ: Проблема глобального изменения климата является одной из самых значительных в международной экополитической повестке. С момента подписания Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК) на саммите в Рио-де-Жанейро в 1992 г. позиция Китая по этому вопросу претерпела значительную трансформацию. Эта позиция ясна, последовательна и совпадает с позицией многих других развивающихся стран: её называют принципом «общей, но дифференцированной ответственности» (*Common but Differentiated Responsibility, CBDR*). Во-первых, климатические изменения представляют собой общую проблему/общий кризис, затрагивающий не только развитые или развивающиеся страны, но и человеческое общество в целом. Во-вторых, так называе-

мые развитые страны и регионы, в первую очередь ЕС и США, должны принять на себя исторически сложившуюся ответственность предлагать и передавать необходимые ресурсы и технологии развивающимся странам. В-третьих, развивающиеся страны, включая Китай, должны увеличивать свой вклад в сдерживание глобальных климатических изменений и адаптацию к ним, пропорционально растущим возможностям каждой страны.

Исходя из данной политической позиции, участие Китая в международной политике по вопросу изменения климата за последние несколько лет можно разделить на три стадии: до 1992 года, 1992–2012 и, наконец, 2012 – нынешнее время. До 2012 года господствовало представление, что срочные действия в этом направлении должны предприниматься развитыми странами – такими, как США и страны ЕС. Однако, начиная с 2012 года, китайское правительство постепенно корректирует курс в сторону международной кооперации по вопросам климатических изменений, в первую очередь в рамках РКИК.

>>

Честно говоря, данное изменение китайского экополитического курса незначительно мотивировано подписанием и вступлением в силу Парижского соглашения. Главная мотивация – осуществление национальной стратегии строительства экоцивилизации. Если кратко, то XVIII съезд Коммунистической Партии Китая (КПК) постановил, что модернизация «системы и потенциала национального экологического управления» станет одной из главных политических целей КПК и китайского государства. Более активная вовлечённость страны в международное сотрудничество по вопросам изменения климата – это идеальный символический способ продемонстрировать политическую волю КПК. Ещё один пример подобного рода – Китай стал уделять больше внимания выполнению условий Конвенции ООН о биологическом разнообразии (КБР), организовав в 2019–2020 гг. несколько важных международных мероприятий, связанных с этой темой.

КШ: Китай не впервые озаботился вопросами охраны окружающей среды. В 1972 году Китай, в отличие от других социалистических стран, принял участие в Конференции ООН по проблемам окружающей среды, где был принят ряд принципов и рекомендаций, связанных с защитой экосистемы. Не могли бы Вы кратко рассказать о том, как с тех пор развивалась и менялась китайская экологическая политика?

ЦХ: В 1972 году, когда китайская делегация посетила Стокгольмскую конференцию по проблемам окружающей среды, Китай действительно сделал защиту окружающей среды формальной частью государственной политики. В результате в 1973 г. в Китае была организована первая национальная конференция по охране окружающей среды, а также создана национальная структура, занимающаяся вопросами экополитики. С тех пор экологическая политика Китая прошла, по меньшей мере, четыре стадии развития, которые можно привязать к следующим временным промежуткам: 1973–1989 гг., 1989–1992 гг., 1992–2012 гг. и с 2012 г. до наших дней.

На первой стадии в 1978 г. под политическим руководством Дэн Сяопина была сформирована и реализована политика «реформ и открытости экономики». Защита окружающей среды быстро стала значимым вопросом политической повестки. Как следствие, в 1983 г. был провозглашён принцип «защиты окружающей среды как основополагающей государственной политики», который и по сей день остаётся одним из ключевых ориентиров китайской экополитической деятельности. На второй стадии главным лозунгом КПК и китайской политической экологии становится устойчивое развитие, под политическим руководством Цзян Цзэминя вводится государственная стратегия экологического управления. Третья стадия, протекавшая с 2002 по 2012 гг., стала во многих смыслах переходной. Под началом Ху Цзиньтао центральную роль в политике КПК и китайского государства стала играть концепция «двунаправленного строительства общества» (ресурсосбережение и экологически безопасное общество), выдвинутая в 2005 г. В 2007 году в рабочий доклад XVII Всекитайского съезда КПК был включён термин «строительство экоцивилизации». В 2012 г. дан-

ный термин стал общим обозначением стратегии политэкологии и экологического управления, реализуемой КПК и китайским государством. Однако реальные перемены состояли в том, что защита окружающей среды и экологическое управление были признаны неотъемлемой частью «социалистической модернизации китайского типа в новую эпоху» как в теории, так и на практике.

КШ: Ваша работа уже довольно продолжительное время связана с идеей экосоциализма. По Вашему утверждению, «озеленение» капитализма – не является адекватным ответом на сегодняшний экологический кризис; не решит проблему и «озеленение» традиционного социализма. Не могли бы Вы развить данную мысль и объяснить, что такое экосоциализм?

ЦХ: Если кратко, то экосоциализм как «зелёная» политическая философия содержит два главных аспекта. С одной стороны, экосоциализм утверждает, что экологические изменения на локальном, национальном и глобальном уровнях – это не частные проблемы или временные дефекты. Это события, неотделимые от господствующих сегодня капиталистических институциональных рамок, так как они следуют логике приумножения капитала и защиты интересов его владельцев. В этом смысле различные меры, принимаемые при капиталистическом режиме, – так называемый «зелёный капитализм» или «экокапитализм», – не могут решить проблемы окружающей среды. Разумеется, как ясно показывают в своей книге «Ограничения природы капитализма» (*The Limits to Capitalist Nature*) Ульрих Бранд и Маркус Виссен, это не означает, что капиталистические меры против экологического ущерба, или даже сам «зелёный капитализм», на практике являются совершенно нереализуемыми (хотя такие меры всегда реализуются избирательно).

С другой стороны, экосоциализм как политическая философия является новым типом или усовершенствованной версией социализма, то есть отличается от упрощённого или искажённого «озеленения» традиционного социализма. Стоит заметить, что научный социализм, или коммунизм, предложенный Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом около двухсот лет назад, является идеалом, которого к настоящему времени достичь не удалось ни в бывшем СССР, ни в современном Китае. И этот идеал в ближайшем будущем не может быть реализован ни в одной стране, ни в одном регионе мира. Следовательно, мы стремимся к тому, чтобы придать нашему нынешнему миру экосоциалистическую ориентацию, а не создать совершенно новое социалистическое общество. Иными словами, одной из главных задач экосоциалистов сегодня является разъяснение, почему при капиталистическом режиме различные меры решения экологических проблем в итоге не сработают и почему экосоциалистические инициативы могут стать реальной и радикальной альтернативой, действительно приводящей к существенным изменениям во всех обществах. Так что «другой мир действительно возможен».

КШ: Я слежу за множеством дискурсов, где обсуждается экосоциализм как альтернатива зелёному капитализму, развивающая иные представления о буду-

>>

щем. Экосоциализм не только предлагает решение экологического кризиса, но и обращается к вопросам неравенства, стремясь связать между собой экологическую и социальную справедливость. Однако Вы утверждаете, что мало кто считает экосоциалистические концепции привлекательными. Почему?

ЦХ: Безусловно, концепция экосоциализма не пользуется популярностью ни в капиталистических, ни в социалистических странах, включая Китай. По моему мнению, есть несколько причин, объясняющих данную аномалию. Во-первых, экосоциализм как идеология и государственная политика по-прежнему ассоциируется с запятнанным своим репутацию традиционным социализмом стран бывшего СССР и Восточной Европы. Здесь, как убедительно пишет Сараль Саркар в своей книге «Экосоциализм или экаокапитализм?» (*Eco-socialism or eco-capitalism?*), попытки институционализации социалистических идей и ценностей оказались неудачными; неудачу потерпело руководство и в борьбе с проблемами окружающей среды. Более того, после распада социалистического блока в начале 1990-х гг. в мире началась гегемония неолиберализма, сопровождаемая успешной политической и идеологической пропагандой. В итоге большинство поверило, что капитализму поистине нет никакой альтернативы. Самое интересное и/или прискорбное то, что финансовый кризис 2008 г. в Европе и США не привёл к существенному улучшению структурной ситуации для радикальных и альтернативных политических движений, включая экосоциализм. Подъём и растущую популярность «зелёного капитализма», или «экаокапитализма», можно считать подтверждающим доказательством.

Во-вторых, в Китае конкурируют между собой концепции «строительства экоцивилизации» и «строительства социалистической экоцивилизации». Этот пример наглядно показывает, что экосоциализм в настоящее время не является устоявшейся политической идеологией. Один из спорных вопросов – является ли социалистическое управление необходимым институциональным условием модернизации охраны окружающей среды и системы экологического управления в современном Китае. С точки зрения экомарксизма, излишний акцент на введении так называемых современных институтов и механизмов защиты окружающей среды, заимствованных из США и ЕС, может привести к пренебрежению социалистическим переустройством общества в целом – а это ведь фундамент будущей социалистической экоцивилизации.

КШ: Что нужно, чтобы экосоциализм стал более привлекателен как концепция развития общества будущего?

ЦХ: Несомненно, это актуальная и сложная задача, стоящая перед нынешними экосоциалистами. Во-первых, основными силами, способными сделать экосоциалистическую идею об обществе будущего привлекательной для широкой публики, по-прежнему являются социалистические/лево-зелёные политические силы. Они могут сделать большую часть работы. К примеру, выборы в парламент ЕС 2019 г. показали, что европейский электорат, особенно молодёжь, достаточно положительно

относится к борьбе с климатическими изменениями и другими глобальными экологическими проблемами, что даёт основания для оптимизма. Однако левое крыло в целом не так-то много от этого выиграло. Во-вторых, необходимо и далее укреплять международный диалог и сотрудничество учёных по всем вопросам, связанным с экосоциализмом. Разумеется, это должна быть равная, открытая, двусторонняя коммуникация между Западом и развивающимися странами. Честно говоря, Китай много чему «научился» у Запада за последние десятилетия: он тщательно старается имитировать достижения развитых стран и их действия по модернизации. Однако теперь Китаю необходимо стать более независимым, рефлексивным партнёром международного научного сообщества и сосредоточиться на том, как действительно улучшить страну. В-третьих, в Китае экосоциализм можно сделать привлекательнее, повысив привлекательность «социализма китайского типа в новую эпоху». С моей точки зрения, самым эффективным будет сознательное введение принципа и политики «строительства социалистической экоцивилизации».

КШ: Вы проводите различие между «растущей экономикой» и «экономикой роста», говоря, что последняя находится в зависимости от постоянного экономического роста, по-видимому, угрожающего разрешению экологического кризиса. Что означает это различие для Китая?

ЦХ: В 2008 г. я описал экономическое развитие Китая на тот момент термином «растущая экономика», чтобы продемонстрировать, как моя точка зрения отличается от идей Такиса Фотопулоса – лондонского мыслителя греческого происхождения, который на примере Китая анализировал, насколько устойчивое развитие совместимо с глобализацией. Мой главный аргумент состоит в следующем: в начале XXI века Китаю был в значительной мере необходим тот темп экономического роста, который он демонстрировал. Такая скорость была оправдана с точки зрения легитимности, целесообразности, финансовой устойчивости, а также экологии. Несомненно, китайская экономическая ситуация за последние десять лет существенно изменилась, а сейчас Китай переживает ещё более сложный период из-за торгового конфликта/войны с США.

Главный вопрос здесь в том, превращается ли китайская экономика постепенно в экономику роста, как утверждает Такис Фотопулос. По моему мнению, нет простого ответа на этот вопрос. С одной стороны, годовые темпы экономического роста с 2015 г. составляют 6,7%, что почти вдвое меньше, чем десять лет назад (11,4% в 2005 г.). Это указывает на то, что Китай каждую стадию развития постоянно оптимизирует экономику надлежащим образом, а поддержание соответствующих темпов экономического роста необходимо и удобно, по крайней мере, для центральных и западных регионов Китая. С другой стороны, агрегированный экономический показатель Китая, согласно Всемирному банку, на 2018 г. составил 13 608 трлн долларов США и 15,86% от мирового показателя. Если принять это во внимание, становится очевидно, что даже пятипроцентные годовые тем-

>>

пы роста повлекут за собой колоссальные последствия для окружающей среды. Это и есть причина, по которой мы утверждаем, что экосоциалистическая перспектива, или «строительство социалистической экоцивилизации», потенциально поможет совместить удовлетворение базовых нужд простых людей с защитой окружающей среды. Наш лозунг: больше экологизма и больше социализма.

КШ: В странах Европы и Северной Америки стандартным ответом на нынешние экологические вопросы является зелёный капитализм. Что эти страны могут почерпнуть из альтернативных представлений о будущем, таких как Ваше?

ЦХ: Пожалуй, «зелёный капитализм» или «экокапитализм» – самый практичный или даже «рациональный» подход к современным экологическим проблемам в Европе и Северной Америке. Из-за иерархического политэкономического порядка, а также всё более широкого одобрения «империалистического стиля жизни» в развивающихся странах, «передовые» страны пользуются глобальными ресурсами и углеродными стоками в собственных интересах. Если эта структурная конфигурация не изменится, у мира останется мало возможностей для движения к экосоциалистическому будущему.

Однако данная конфигурация, похоже, в последние годы действительно превратилась в социально-экологическую проблему. С одной стороны, вследствие экономического подъёма нескольких развивающихся стран, включая Китай, для США и Европы становится всё труднее под-

держивать международный статус-кво. Это вскоре станет угрожать не только гегемонной позиции «передовых» в традиционном смысле стран, но и их зелёной модели «экокапитализма». Другими словами, у них будет всё меньше возможностей поддерживать хороший уровень экологии, оставаясь на том же высоком уровне материального потребления. В той или иной степени, нарастающий конфликт между Китаем и Западом во главе с США можно интерпретировать именно так. С другой стороны, всё больше развивающихся стран, особенно с формирующейся рыночной экономикой – таких как Китай, – по разным причинам начинают серьёзно относиться к проблемам экологии. Поэтому развивающиеся страны будут вводить всё больше строгих ограничений на «грязный» капитал и «грязные» технологии, не говоря уже об отходах, как показал конфликт между Филиппинами и Канадой на почве ввоза мусора.

Я полагаю, что образ мышления и принципы, предлагаемые экосоциализмом, могут содействовать тому, чтобы европейские и североамериканские страны, наконец, осознали ограничения и дефекты «зелёного капитализма», или «экокапитализма». Больше нельзя решать локальные и сиюминутные проблемы за счёт других, необходимо как можно скорее начать процесс радикальной социально-экологической трансформации. А необходимыми условиями для более чистой окружающей среды являются более справедливый мир и более равноправное общество. ■

Адрес для связи: Цинчжи Хуань <qzhuang@sdu.edu.cn>

> 75 лет «Великой трансформации»

Бригитте Ауленбахер, Университет Иоганна Кеплера, Линц, Австрия, член ИК 02 «Экономика и общество», ИК 19 «Бедность, социальное государство и социальная политика», ИК 32 «Женщины, гендер и общество», **Андреас Нови**, Венский университет экономики и бизнеса (WU), Австрия

Непреходящая ценность книги Карла Поланьи «Великая трансформация» подтверждается тем, что она переведена на многие языки мира. Фото: Ана Гомес.

«**В**еликая трансформация» – *magnum opus* Карла Поланьи, опубликованный в 1944 году, посвящен реконструкции экономической, социальной и культурной истории капитализма перед лицом социальных процессов, которые он наблюдал в 1920–1940-е годы. Среди этих процессов – рыночный фундаментализм послевоенного периода, последующий кризис и биржевой крах 1929 г, Великая депрессия, попытки фашистов и социалистов перестроить новую экономику и общество, политика «Нового курса» Рузвельта и, в конце концов, Вторая мировая война.

«Великая трансформация» – это глубокое исследование того что случилось и может случиться в ходе исторического развития капитализма, если экономика и общество будут организованы согласно «либеральному кредо» по правилам «саморегулирующегося рынка», когда общество становится все более «рыночным», регулируемым механизмами спроса и предложения, цены и динамики рыночной прибыли. В социальной системе, где «человеческое общество становится придатком экономической системы», предметом торговли становится то, что никогда не производилось на продажу и предназначено совсем не для торга. Маркетизация захватывает землю (природу), труд и деньги, которые становятся «фиктивными товарами». «Но труд и земля – это не что иное, как сами человеческие существа и их природное окружение. Подчинить их рыночному механизму значит подчинить само существо общества законам рынка», что приведет к его «распаду». Карл Поланьи анализирует историю капитализма XIX века как результат «двойного движения», то есть сочетание «движения» маркетизации и «контрдвижений», – рабочего движения, протекционизма, легислатуры и пр. – с помощью которых общество ищет безопасности и защиты.

Майкл Буравой в своей президентской речи на Конгрессе МСА в Йокогаме в 2014 г. подчеркнул значимость «Великой трансформации» в современном контексте. Он представил новую «волну маркетизации», поднявшуюся в 1970-е гг., посткоммунистическую фазу глобализации после 1989 года, финансовый кризис 2007–2008 гг. и последовавшие за ним социальные протесты как вари-

ант двойного движения, описанного Поланьи. В самом деле, особенно после 1990 г. нарастает интерес к работе Карла Поланьи. Во всем мире ученые обращаются к его анализу «двойного движения» и стараются осмыслить понятие «фиктивных товаров» (*fictitious commodities*). Более того они заново открывают его видение «свободы в сложном обществе» и его представления о справедливом и свободном обществе, которое может возникнуть, когда «утопических эксперимент саморегулирующегося рынка останется только в памяти» индустриальной цивилизации.

Этот раздел журнала отмечает 75-летие *VT* публикацией статей, посвященных истории труда Карла Поланьи и различным попыткам применить его анализ в современных условиях. Фред Блок и Маргарет Р. Сомерс помещают труд Поланьи в контекст времени его создания, соотносят его идеи с работами таких классиков неолитерализма, как Хайек и Мизес, обсуждают связь либерального кредо с фашизмом и современными авторитарными тенденциями. Антонино Палумбо и Алан Скотт стараются преодолеть упрощенную дихотомию «государства и рынка» и объясняют, каким образом государство поддерживает рынки. Гарет Дейл представляет критический обзор истории подотчетности наций как механизма стабилизации экономического порядка, основанного на выгоде, и, опираясь на эти рефлексии, проблематизирует приписываемый Поланьи вариант прочтения дискуссии о ВВП. Джонатан Лондон прослеживает великую трансформацию в Восточной Азии и обсуждает противоречия одновременного роста маркетизации и политики социального благосостояния. Атилла Мелег и Крис Ханн анализируют укорененность работы Поланьи в контексте его времени и рассматривают современный правый популизм на примерах миграции и процессов, происходящих в Европе. Андреас Нови завершает этот цикл статей, подчеркивая непреходящее значение наследия Поланьи, в особенности для общественных движений, критики «глобального» капитализма и поиска альтернатив. ■

Адреса для связи:

Бригитте Ауленбахер <brigitte.aulenbacher@jku.at>

Андреас Нови <andreas.novy@wu.ac.at>

> «Великой трансформации» Поланьи исполнилось семьдесят пять

Фред Блок, Университет Калифорнии, Дэвис, США, Маргарет Р. Сомерс, Университет Мичигана, США

Карл Поланьи во время Первой мировой войны.
Из архива Кари Поланьи Левитт.

Когда Карл Поланьи скончался в 1964 году, его интеллектуальные достижения были известны лишь экономическим антропологам и исследователям греческой и римской античности. Будучи интеллектуалом в изгнании, Поланьи жил в четырех разных странах: в Австрии, Англии, США и Канаде. Кроме того, он не занимался какой-то одной дисциплиной; его исследования пересекали границы истории, географии, экономики, социологии, антропологии, политической науки и изучения античности. Это затрудняло формирование критической массы последователей, которые поддерживали репутацию других интеллектуалов, работавших в изгнании.

Более того, Поланьи оказался ненадежным пророком. В последних главах своей самой главной книги «Великая трансформация» он предположил, что мир, в конце

концов признал, что идея создания глобального саморегулирующегося рынка является ошибочной. Надо с уверенностью сказать, что «укорененный либерализм» послевоенного экономического порядка был гораздо менее деструктивным, чем довоенная система золотого стандарта. Однако кейнсианские социальные государства 1940-х, 1950-х и 1960-х гг. были совсем не похожи на тот социализм, который предсказывал Поланьи. Более того, Поланьи не мог предвидеть наступления холодной войны или решимости Вашингтона проводить новую мировую экономику, в которой товары и капитал свободно пересекают национальные границы.

Иронично, что репутацию Поланьи как пророка подтвердили события, произошедшие после смерти ученого. В 1920-е годы в Вене, Поланьи сформировал свои представления, оппонируя рыночному фундаментализму Людвиг фон Мизеса и его ученика, Фридриха Хайека. Через 10 лет после смерти Поланьи Хайек получил Нобелевскую премию, а спустя несколько лет он стал теоретическим вдохновителем экономической рыночной политики Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана. Короче говоря, в течение последних четырех десятилетий политики рыночного фундаментализма превратили Карла Поланьи из пророка-неудачника в самого значимого и актуального исследователя власти и достоинства саморегулирующегося рынка.

> Меры жесткой экономии периода золотого стандарта и подъем фашизма

В работе «Великая трансформация» Поланьи обвиняет в подъеме фашизма после Первой мировой войны реставрацию международного золотого стандарта. Это решение, за которое несут ответственность политики всех мастей, включая большевиков. Когда стала разворачиваться политика жесткой экономии, инициированная введением золотого стандарта, уязвимые люди во всей Европе, как социалисты, так и либералы, стали выступать против нее – и не только потому, что она привела к массовым увольнениям, сокращению оплаты труда, но и потому, что ее результатом стало обнуление завоеваний демократии.

Банкиры и большая часть наемных работников, с другой стороны, настаивали на том, что введение зо-

>>

лотого стандарта соответствует естественным законам экономики, а укрощение этого механизма приведет к экономической катастрофе. Их аргументы можно было бы сбросить со счетов как очевидно продиктованные личными экономическими интересами, если бы они не опирались на теоретические оправдания невмешательства государства в условиях экономической нестабильности и массовой безработицы, предложенные Мизесом и Хайеком. По мнению Поланьи, дело было не только в том, что Мизес и Хайек защищали жестокие и аморальные политические меры. Дело в том, что их позиция была крайне нереалистичной: трудно себе представить, чтобы миллионы семей, большинство из которых не имели экономической подушки безопасности, стоически выносили экономическую обездоленность. Поланья также видел, что хотя трудящиеся голосовали в поддержку государственных мер, требовали достойной оплаты труда и пособий по безработице, их требования оставались без внимания, что оправдывалось необходимостью затягивания поясов. Непосредственным последствием такого положения дел стало глубокое разочарование трудящихся в демократическом правлении, поскольку правила золотого стандарта ассоциировались именно с ним, что неумолимо нарушала народный суверенитет.

Фашистские партии воспользовались этим разочарованием и предложили населению своего рода безопасность, причем такую, которую глобализаторы отказывались обеспечить. Поланья считает, что «победа фашизма стала неизбежной, поскольку [экономические] либералы отказывались проводить любые реформы, включающие планирование, регулирование или контроль». Придя к власти, Гитлер игнорировал ограничения золотого стандарта. Быстро восстановив полную занятость населения, нацисты смоли завоевать народную поддержку и консолидировать свою диктатуру.

> Рыночный фундаментализм и авторитаризм

Релевантность рассуждений Поланьи для анализа современных процессов поистине поразительна. Сорок лет рыночного фундаментализма создали режим перманентной экономики, во время которого правительства, как и прежде, не участвуют ни в обеспечении роста занятости населения, ни в защите домохозяйств от рыночной нестабильности. Если бы даже правительства только подумали о том, чтобы вести себя иначе, это бы привело к немедленной рыночной распродаже государственного долга и внезапному оттоку мобильного капитала. Даже левое правительство партии «Сириза» в Греции, избранное из-за своей платформы противодействия режиму строжайшей экономии, было вынуждено под давлением европейского сообщества продолжать прежнюю политику затягивания поясов.

И снова мы наблюдаем широко распространенное разочарование в демократических институтах и их неспособность обеспечить ослабление режима бюджетной экономии. Капитализируясь на презрении к демократическим нормам и институтам, правые партии становятся все сильнее. В целом, авторитарные лидеры нового образца следуют модели «нелиберальной демократии», для которой характерно манипулирование выборами, захват судебной власти, подавление свободных СМИ и политика ненависти, отделяющая «наш народ» от «других», которые к нему не принадлежат.

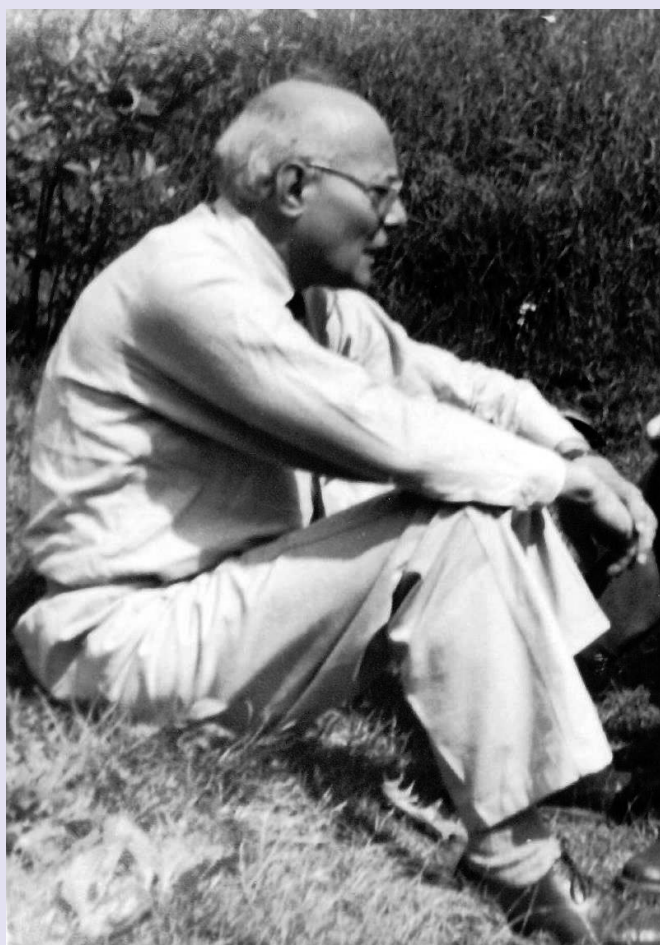
Конечно, современные сторонники авторитаризма отличаются от фашистов двадцатого века. Но было бы глупо искать утешение в отсутствии паравоенных формирований в соответствующих униформах. Историческая мимикрия не является релевантным критерием сравнения. Для Поланьи угроза межвоенного фашизма была ответом на кризис демократии, созданный безусловной властью золотого стандарта. И сегодня вновь мы стоим перед лицом кризиса, порожденного институтами, которые управляют глобальной экономикой. Как и их предшественники, современные сторонники авторитаризма вышли на передовую линию политики в условиях вакуума, созданного кризисом, и в некоторых случаях уже приступили к преследованию своих «врагов» во имя защиты «человека, брошенного на произвол судьбы».

Для сегодняшнего дня урок Поланьи заключается в том, чтобы признать необходимость проведения срочной глобальной экономической реформы, которая смогла бы разорвать ограничения постоянной экономии бюджета и преодолеть кризисы беспомощной демократии. Можно с уверенностью заявить, что создать такое мощное глобальное реформистское движение крайне трудно. Совсем не просто сформировать глобальную кооперацию сил, которая смогла бы противостоять таким кризисам, как изменение климата, драматический рост потока глобальных беженцев и все более беспорядочное развитие глобальной экономики. Однако в настоящий момент, возможно, удастся объединить население мира вокруг глобального «зеленого» Нового курса, который бы перераспределял ресурсы Глобального Севера в пользу Глобального Юга, решал проблемы изменения климата и трансформировал институты и правила, которые управляют глобальной экономикой. Такая глобальная инициатива смогла бы открыть в государствах и надгосударственных регионах пространство, где будет обновляться демократическая политика и зародится волна реформ, которые создадут другую экономику, ту, которая окажется результативной для всех людей. ■

Адреса для связи:
Фред Блок <fblock@ucdavis.edu>
Маргарет Р. Сомерс <peggs@umich.edu>

> Рынок как искусство государственного управления: читая Поланьи

Антонино Палумбо, Палермский университет, Италия, Алан Скотт, Университет Новой Англии (Австралия), член ИК 21 по социологии городского и регионального развития

Карл Поланьи в Пикеринге (Онтарио), конец 1950-х гг.
Из архива Кари Поланьи Левитт.

Социальные ученые, за исключением нескольких (ортодоксальных) экономистов, а в особенности социальные антропологи убеждены, что чистый конкурентный рынок не является естественным состоянием человечества. На основе этого консенсуса они выступали множество раз в защиту государственного суверенитета, с тем чтобы оправдать расширенные формы государственной интервенции. Эти усилия многократно возросли после глобального финансового кризиса (ГФК) 2008 года. После ГФК, фреймированного как кризис государственного долга, ответом на

который стали меры жесткой бюджетной экономии, защита государственных действий принимала одну из двух форм. Первая заключалась в оправдании кейнсианских принципов и возрождении макроэкономических интервенций, направленных на стимулирование экономического роста. Вторая модель защиты апеллировала к ностальгическому образу послевоенного социального государства, поддерживала политику перераспределения, ориентированную на снижение уровня социального неравенства. Оба эти ответа, широко распространенные среди сторонников прогресса, не состоятельны по концептуальным и моральным основаниям. Они не могут противостоять повсеместно распространенному безусловному неolibеральному представлению о том, что между рынками и государствами существует неизбежный компромисс. Напротив, эти позиции только укрепляют неolibеральный взгляд.

> Государство как защитник рыночных отношений

Социально-политическая история последних двух столетий не соответствует представлению об отношениях между государством и рынком как игре с нулевой суммой. Подводя итог критике либеральной политэкономии с точки зрения классической социальной теории, Поланьи утверждает, что политика невмешательства государства (*laissez-faire*), цель которой – продвижение рыночного общества, стала результатом политического плана, а социальное давление, поддерживающее волны протекционистского регулирования, являлись спонтанными реакциями на напряжение, порожденное этой политикой. Рассматривая рынок как объект государственного регулирования, Поланьи отвергает представления политической экономии более радикально, чем это делают марксистские теоретики. Он рассматривает государство как инициатора движения в сторону установления рыночной экономики, с одной стороны, и как актора, призванного спасти рынок от характерных для него циклических кризисов, с другой. Государство не является исполнительным комитетом буржуазии. Напротив, оно вовлечено в создание и модификацию рынка по истинно политическим причинам – во имя укрепления своей суверенной власти, а не потому, что либеральные или неolibеральные идеи завоевали гегемонию среди политических и технократических элит.

>>

Каким образом рынки могут помочь государству укрепить свою суверенную власть? Ответ на этот вопрос мы получим, обратившись к тому, как Поланьи объясняет изменения. Дело в том, что рынки обладают способностью подрывать кооперативные отношения, поддерживающие общественную жизнь, и заставляют различные социальные группы конкурировать друг с другом. Рынки как таковые представляют собой мягкую власть, альтернативную военной или репрессивной силе государства. Рынки разрушают внутреннюю сплоченность и нормативную автономию сообществ, предоставляя тем самым возможность для государства преодолевать социальную оппозицию, выступающую против установления централизованной бюрократической власти. Борьба против феодальных властей, структур-посредников, профессиональных ассоциаций и гильдий, инициированная абсолютистским государством и продолженная либеральными правительствами, преследует прежде всего эту цель. Интерес советских аппаратчиков к рыночному социализму и политика либерализации рынка, предпринятая Китайской коммунистической партией, также отражает эту логику. Мы также не должны оставлять без внимания такие способы правления, когда рыночная модель селективно и стратегически используется для разрушения сообществ и групп, которые активно сопротивляются государственной политике бюрократизации. В отличие от марксистских подходов, критика рынков, предложенная Поланьи, не анализирует эксплуатацию или отчуждение наемного труда, а концентрирует внимание на аномических последствиях рыночных отношений. Он критикует вызванную рынками эрозию способности групп регулировать социальные взаимодействия и сохранять нормативную сплоченность.

> Колониальная логика

Следуя по пути централизации, государственные власти руководствуются колониальной логикой как во внутренней политике (подчиняя коренные сообщества и подавляя внутренних врагов), так и на международном уровне (навязывая государственное господство на иностранных территориях и подчиняя ему население). С исторической точки зрения, мы видим, что эти два типа действий тесно взаимосвязаны. Внешняя экспансия стало основным средством, с помощью которого государство смогло погасить возникающие внутренние социальные конфликты, порожденные рыночными реформами – так называемые «социальные проблемы». Сходство между внутренней и внешней формами колониализма можно проследить, обратив внимание на кооперативные отношения, которые государство стремится установить с другими социальными акторами. На национальном уровне процесс консолидации государства потребовал формирования тайных коалиций с различными социальными и экономическими элитами, которые помогают разделить издержки и бенефиты между участниками. Сходным образом на международном уровне, колониальные власти всегда полагались на поддержку сотрудничающих с ними этнических групп или

социальных элит, с которыми они делились прибылями колониальных предприятий. В обоих случаях, такие однажды установленные коалиционные соглашения обладают конкурентной природой и заставляют своих членов периодически пересматривать условия партнерства в своих интересах. Экономические и политические кризисы, таким образом, предоставляют возможность изменить степень ответственности партнеров по коалиции и поддержать рыночную систему, создавая циклы регулирования и дерегулирования рынка, описанные Поланьи.

> Воссоединить социальное и политическое

В свете такого сложного стратегического контекста и в условиях взаимозависимости государств и рынков, акцент на суверенитет государства и призыв к усилению государства и ослаблению рынка являются не просто наивными, но и глубоко ошибочными. Социальная поддержка государственных действий, на самом деле, систематически используется для принятия чрезвычайных мер, которые усиливают переговорную власть государственных акторов в процессе пересмотра условий договора между участниками коалиций. Аналогичным образом страхи по поводу дефолта национальной валюты, роста налогов и утечки капитала эксплуатируются для того, чтобы усилить влияние монополистических экономических сил и социальных элит, которые вступают в сговор друг с другом. Последнее десятилетие стало свидетелем шагов и реакций членов коалиций, ответственных за неолиберальный консенсус, подорванный МФК. Чтобы предотвратить повторение старых ошибок, необходимо выработать отношения, которые выйдут за пределы социальных мер, направленных на защиту бедных. Социальный вопрос необходимо рассматривать в единстве с политическим: демократизация должна распространиться как на рынки, так и на правительства. Признание этой необходимости проявляется в том, как Поланьи выступает одновременно и за индустриальную демократию, и за социальные права. Но в настоящее время расширение демократии с целью усиления позиции граждан должно захватывать не только контекст занятости. Понимание гражданства должно включать расширение потребительских прав, юридически обеспеченное ограничения надзора (государственного и корпоративного), меры ограничения спекуляции с недвижимостью и финансовыми бумагами, а также усиление внимания к вопросам охраны окружающей среды, природы и природных ресурсов. Необходимо переключиться от узких экономических интересов и обратиться к проблематике глобальной ответственности перед будущими поколениями. Альтернатива такому видению – это жизнь в контексте экономических, политических и социальных последствий разрушенной неолиберальной утопии. ■

Адрес для связи:
 Антонино Палумбо <antonino.palumbo@unipa.it>
 Алан Скотт <ascott39@une.edu.au>

> Поланьи, система учета и повестка «После ВВП»

Гарет Дейл, Брунельский Университет, Лондон, Великобритания

Карл Поланьи в Вене, 1923.
Из архива Кари Поланьи Левитт.

Дискутируя с Людвигом фон Мизесом по вопросу о социалистической системе учета, Карл Поланьи сделал следующее замечание. «Система учета – это количественный обзор экономической деятельности. Так, например, фокусом капиталистической экономики является прибыль. Если это так, то учет в этой системе представляет собой оценку отношения каждого из элементов этой системы к прибыли. Деятельность вооруженных сил ограничена достижением военных технических целей и расходами денежных средств и других благ для этих целей. Обзор этой деятельности становится в некотором смысле самоцелью и позволяет осуществлять контроль над нею...» Суть каждой конкретной системы учета, пишет он, «понять несложно; она заключается в следующем: учет должен предложить количественные ответы на вопросы, ко-

торые мы задаем по поводу экономической деятельности, если хотим ее оценить. Характер этих вопросов определяет характер системы учета, которая обеспечит ответы на эти вопросы. Капиталистическая экономика, например, считает своей практической целью получение прибыли. Поэтому система учета, характерная для капиталистической экономики, ставит перед собой задачу обеспечить обзор экономической деятельности, который в количественной форме представляет отношение каждого из характерных элементов этой системы (различные элементы капитала) к императиву прибыльности».

В этом фрагменте Поланьи называет ключевой принцип капиталистической системы учета: она ориентирована на получение прибыли. На примере армии он показывает, как

>>

работает другая система учета (она позволяет контролировать деятельность вооруженных сил). Давайте кратко рассмотрим эту систему учета, начиная с больших дебатов о ее роли в трансформациях межвоенного периода. В этих дебатах обсуждались две ключевые темы: социалистическая система учета – ее сторонником был Поланьи – и революция национальной системы учета прибыли. В этом отношении пионером был американский экономист, представитель институциональной школы, Уэсли Митчелл. Он критиковал классическую экономическую теорию как «качественную» и призывал внедрить количественные показатели в экономику. Экономика должна быть основана на измеряемой, а значит, как считали многие, надежной почве.

> Рождение национальной системы учета доходов

В 1920 году, незадолго до того, как Поланьи начал участвовать в социалистическом дебате о системе учета, Митчелл основал Национальное Бюро Экономических Исследований. Целью этой организации был сбор систематических данных и развитие жесткого статистического учета в экономике в целом. Митчелл был одним из авторов современного понятия национального дохода. Он наполнил его реальным содержанием и обеспечил численными показателями. Выполняя эту задачу, он культивировал то, что Филип Миrowsки в своей книге «Рождение бизнес-цикла» (*The Birth of the Business Cycle*) назвал «новым теоретическим основанием». Эта работа создала платформу для макроэкономической революции в экономике: для «Общей теории» (*General Theory*) Кейнса и для понятия валового внутреннего продукта (ВВП). В 1932 г. Конгресс США поручил ученику Митчелла Симону Кузнецу разработать способ измерения национального продукта. Работа Кузнецца, в конце концов, привела к формированию категории «валовый национальный продукт» (ВНП) и «валовый внутренний продукт» (ВВП). В 1930 г. Колин Кларк постарался статистически оценить годовой «температура душевого дохода»; в 1936 г. Ян Тинберген создал «первую динамическую модель, претендующую на то, чтобы представлять всю экономику общества».

Первоначально с идеей учета национального дохода выступили реформаторы. Для того, чтобы правительство эффективно осуществляло интервенцию в экономику, призванную смягчить страдания людей, вызванные Великой депрессией, необходимо было опираться на помощь статистики. В своих первых проектах национальной системы учета Кузнец учитывал критерии велфера, учитывал «блага», и вычитал расходы на такие разрушительные цели как вооружение. Но фокус Митчелла и Кузнецца на велфере размылся из-за планирования военных расходов и в условиях реализации кейнсианской макроэкономики и управления спросом. Об этом убедительно пишет Марион Фуркад в своей работе «Экономисты и общество» (*Economists and Societies*). Сам Кузнец работал в системе военного планирования в Совете по военному производству и использовал при этом техники подсчета национального дохода, разработанные им для Министерства торговли в США. Аналогичным образом военные расходы – в виде жалования персоналу и военных закупок – стали включаться в показатели ВНП, даже в том случае, когда социальные выплаты (пособия по безработице социальные льготы) не учитывались.

> Проблемы ВНП

Суть ВНП заключается в том, что этот показатель представляет обзор экономической деятельности страны с точки зрения юридического установленной меновой стоимости. Этот показатель «поощряет» коммодификацию: если спеть песню просто так, то ВНП не вырастет, а вот если ее спеть публике, купившей билеты на концерт, то показатель ВНП сразу вырастет. ВНП не учитывает транзакции, в которых не участвуют деньги: домашний труд, DIY и благотворительность. ВНП – это гендерно и классово слепой показатель. Он не принимает во внимание распределение доходов. Как и меновая стоимость, этот показатель игнорирует экономические нагрузки на природную среду. Продажа природных ресурсов считается источником дохода, при этом не делается никаких поправок на истощаемость этого ресурса. Показатель ВНП не учитывает экстерналиности.

Таким образом ВНП является показателем, полностью соответствующим миру, в котором доминирует меновая стоимость; это по своему существу капиталистическая мера экономической деятельности. Но в то же время этот индекс используется государствами для общей оценки «национальной экономики» и настроен на геополитическую конкуренцию. Этот индекс отражает природу и потребности капиталистических государств. Последние заинтересованы не в самой прибыли, а в управлении обществом в интересах капитала. Именно поэтому армейские формы статистического учета, даже когда они предполагали планирование, нельзя противопоставлять формам учета, характерным для капиталистического бизнеса.

В настоящее время показатель ВНП дебатруется как никогда раньше. Одним из следствий этого дебата является повестка, получившая название «После ВНП». Политические лидеры, чиновники и ученые, такие как Никола Саркози, Джасинда Ардерн, Гус О’Доннелл и Амартия Сен – продвигают альтернативные экономические показатели. В основании таких действий лежат разные мотивы. Одни скептически относятся к экономическому росту, другие считают, что если показатель ВНП будет вялым, то от этого может пострадать легитимность власти.

Для Дэвида Ярроу, который является сторонником политэкономического подхода Поланьи, повестка инициативы «После ВНП» содержит потенциал дестабилизации трактовки «экономики» как унифицированного рыночноцентричного объекта. Если это пройдет, то только к лучшему. Однако ВНП не репрезентирует главную цель экономической системы. Ее целью является конкурентное накопление капитала. Соответствующие принципы учета экономической деятельности, на которые оно опирается, релевантны для оценки экономической деятельности на уровне фирмы (предприятия), но не для государственного уровня. Если приведенный выше анализ является правильным, то можно заключить следующее: когда критики ростоцентричных оценок обращают внимание исключительно на ВНП и игнорируют капитал, то они не принимают во внимание более глубоких процессов. ■

Адрес для связи: Гарет Дейл <Gareth.Dale@brunel.ac.uk>

> Великие трансформации: маркетизация в Восточной Азии

Джонатан Д. Лондон, Лейденский университет, Нидерланды

Карл Поланьи. Из архива Кари Поланьи Левитт.

Глобальный масштаб экспансии и углубления рынков и рыночных отношений является одним из самых главных трансформативных процессов нашего времени. Мы можем описать этот процесс общим и грубым неологизмом – термином «маркетизация». Ускоренные процессы маркетизации, которые приобрели глобальный характер в последние десятилетия, глубоко проанализированы в работах Карла Поланьи. В его работах представлена диалектика рыночной экспансии и выявлены сознательные политические стратегии социальной трансформации, которым следуют политические элиты, стараясь упорядочить социальную жизнь так, чтобы она служила специфическим интересам и инструментальным целям. При этом способы марке-

тизации и локальные ответы, которые она вызвала, а также ее влияние на неравенство и социальное обеспечение различаются в разных регионах мира и внутри этих регионов.

На глобальном уровне маркетизация ассоциируется с ростом торговли и инвестиций, индустриализацией и финансово-аализацией, накоплением капитала в крупных масштабах и ожидаемым хоть и неравным ростом доходов и богатства. При этом маркетизация ассоциируется также с резким ростом неравенства, распространением системной экономической уязвимости и экологической катастрофой. Все эти процессы осуществляются при поддержке и усилении широкого триумфа разнообразия капиталистических интересов, ориентированных на обеспечение безопасного и стабильного накопления капитала любой ценой. Во всем мире ускорение маркетизации идет рука об руку с распространением практик коррупции под покровом принципов «дружественного отношения к рынку». Все это привело к развитию все более глобализирующихся, но политически безответственных режимов накопления капитала, которые порождают богатство и одновременно увеличивают неравенство, сохраняя экономическую уязвимость и неизбежные страдания, несмотря на то, что средние доходы населения и потребление растут.

Но действительно ли дела так плохи? В конце концов, маркетизация ведет к тому, что мир становится богаче; это особенно явно в Восточной Азии, в состав которой входит около 20 стран, расположенных географически между Японией и Индонезией. Исследование динамики маркетизации и ее последствий в Восточной Азии может внести свой вклад в анализ нашего времени в оптике Поланьи.

> «Двойное движение» в Восточной Азии

Данные, иллюстрирующие эффекты маркетизации последнего тридцатилетия в Восточной Азии, как правило, касаются улучшения качества жизни в развивающихся странах. По данным Всемирного банка, в период с 1990 по 2016 гг. доля жителей Восточной Азии, живущих в условиях «крайней бедности», снизилась с 60% с лишним до менее трех процентов. Однако именно эти цифры не включают относительно более бедные и медленнорастущие рыночные общества Юго-Восточной Азии. Они основаны на сомнительно низких показателях порога бедности и тех репрезентациях прогресса, которые обслуживают господствующие рыночно-ориентированные интересы. Тем не менее, при всем разнообразии региональный тренд очевиден. Процессы маркетизации в странах Восточной Азии с высокими, средним и низким

>>

душевым доходом способствовали росту стандартов и качества жизни, а также росту неравенства, а иногда шокирующему по масштабам уровню эксплуатации. Кроме того, маркетизация Восточной Азии также отражает элементы того явления, которое Поланьи назвал «двойным движением».

Чрезвычайно интригующим аспектом современного мирового рынка является то, что, хотя его экспансия была обеспечена гегемонией неолиберальных идей и интересов (Dale, 2012), его продвижение сопровождается быстрым ростом масштаба и разнообразия социально-политических программ в странах со средним и низким уровнем доходов населения. Экспансия социально-политических программ в странах со средними и низкими показателями доходов не является контрдвижением по отношению к маркетизации. Эта тенденция характерна для внедрения и институционализации глобализирующихся рыночных обществ или социальных порядков, которые формируются в соответствии с социальными отношениями и институциональными характеристиками, специфическими для каждого общества.

В Восточной Азии масштаб, профиль, скорость и локально определенные сложности этих процессов стали особенно выразительными на фоне многоуровневого и неравномерного развития. Во всем регионе в этот же период развивались системы образования, здравоохранения и социальной защиты, и, соответственно, государственные и частные расходы в этих секторах экономики. В Корее, на Тайване и даже в Таиланде, Индонезии и на Филиппинах программы социальной политики получили ускоренное развитие благодаря электронным стимулам, которые поощряли те элиты, которые обещали усилить меры социальной защиты. В сравнительно более богатых странах – в Сингапуре, Гонконге и в Малайзии – недемократические правительства разворачивали услуги в сфере образования, здоровья и социальной защиты в весьма существенных масштабах, однако весьма стратифицирующим образом, что с необходимостью сохраняло высокий уровень бедности. В Китае и во Вьетнаме номинально антикапиталистические коммунистические партии создали рыночные общества в условиях глубоко авторитарных корпоративистских политических режимов. Они обеспечивали быстрый экономический рост и предоставляли базовый уровень услуг для все более большой доли населения, несмотря на то, что доступ к услугам, превышающим базовый уровень, требует наличия политического и экономического капитала. Даже Камбоджа, Лаос и Мьянма демонстрируют растущий объем социально-политических программ.

> Обсуждая природу «двойного движения»

На глобальном уровне считается, что развитие маркетизации в Восточной Азии является свидетельством истинного двойного движения декоммодификации, о котором писал Поланьи. Продолжающаяся интеграция поздно индустриализированных восточноазиатских обществ в расширяющийся мировой рынок сопровождается декоммодификацией, то есть разворачиванием государственных социально-политических программ, нацеленных на защиту населения от превратностей местных и мировых рынков. При этом поддерживается развитие конкурентоспособности и рост социальной мобильности в этих странах. Обсуждая глобальную экспансию социально-политических мер, Харрис и Скалли признают, что коммодификация на глобальном Юге происходила задолго до неоллиберализма. Несмотря на то, что современный неоллиберализм подчеркивает необходимость раз-

вития рынков, его продвижение маскирует «ощутимый сдвиг в сторону декоммодификации политической экономической жизни». По данным МОТ, в 2019 г. около половины мирового населения получает хотя бы один тип социального пособия.

Скептики экспансии социальной политики в Восточной Азии выявляют выражено неоллиберальное или фейковое двойное движение по Поланьи, которое уводит Восточную Азию от принципов универсализма и декоммодификации в сторону способов правления и рыночного гражданства которые изолирует рыночное накопление от демократических механизмов. Неоллиберальное двойное движение основывается на предположении, что социальное обеспечение наилучшим образом развивается и определяется рыночными механизмами и в рамках рыночных отношений, и даже сами программы социальной политики продвигают логику рыночной экономики. Резкий рост неравенства, широкая коммерциализация и стратификация услуг в регионе подтверждает такое видение. Действительно государственная социальная политика в регионе стала основным местом аккумуляции капитала.

Что мы можем сказать, в конце концов, о великой трансформации в Восточной Азии? Она ассоциируется со значительным, хотя и крайне неравномерным улучшением стандартов жизни, широким вовлечением населения в рыночные отношения, созданные для поддержания и обслуживания интересов элит, но также с ростом доходов населения и существенным развитием масштабных программ социальной политики.

> Создание институтов в рамках конкретных социальных порядков

Чтобы осмыслить значение трансформации Восточной Азии, необходимо проанализировать страны, входящие в этот регион, как относительно автономные социальные порядки и глубоко изучить их динамичные социальные отношения и институциональные качества. Только в Корее и на Тайване мы обнаруживаем какие-то намеки на аутентичное укоренение рынка, о котором писал Поланьи. В Китае и во Вьетнаме, двойное движение происходит в рамках консолидации рыночно-ленинских режимов. В разных странах региона социально-политические программы и рынки развивались и укоренялись благодаря господствующим властным отношениям. Если говорить о более общем тренде, то он, видимо, заключается в том, что восточноазиатские элиты создали социальные порядки и версии рыночного гражданства, для которых характерны слабые универсалистские социальные политики, которые обеспечивают удовлетворение потребностей несколько выше уровня первой необходимости. При этом доступ к услугам более высокого уровня преимущественно базируется на принципе оплаты и политических связях. Таким образом, в Восточной Азии действительно наблюдается великая трансформация. Она подразумевает существенное улучшение качества жизни, массовое потребление и конюмеризм, расширение социальной поддержки на фоне роста неравенства, устойчивую экономическую уязвимость и угрозу экологической катастрофы. Надо отметить, что эта трансформация совсем другого типа, чем та, о которой писал Поланьи и на которую все еще надеются некоторые другие авторы. ■

Адрес для связи: Джонатан Лондон <j.d.london@hum.leidenuniv.nl>

> **Страх****замещения
населения**

Аттила Мелег, директор-основатель Центра Карла Поланьи в Университете Корвинуса в Будапеште, Венгрия

Население Восточной Европы (снова) осмысливает наследие своего великого ученого, Карла Поланьи. После публикации «*Великой трансформации*», где объясняется, почему рыночная утопия приводит к потребности формирования «защитного экрана» против системы «грубой фикции», в 1946 году Поланьи выступил с тезисом о том, что введение свободного рынка приведет к безумию национализма в Восточной Европе:

«Если Атлантическая Хартия в самом деле приведет к восстановлению свободного рынка в тех странах, где он прекратил свое существование, это может создать возможности для возрождения безумного национализма в тех регионах, где он прекратил свое существование» (Polanyi, «*Universal Capitalism or Regional Planning*» (Всеобщий капитализм или региональное планирование))

Крис Ханн в своей последней книге *Repatriating Polanyi* («Репатриация Поланьи») также утверждает, что глубинными причинами подъема национализма в Европе являются институции «глобального неолиберального порядка». В этом коротком тексте я стремлюсь показать, что демографические изменения глобальной неолиберальной эпохи вынуждают человечество – и восточноевропейские общества, в частности, Венгрию – искать какую-то защиту против утопии глобального рынка. Эти общества не признают того факта, что капитал заинтересован в замещении выезжающего или отсутствующего населения мигрантами, вырванными из регионов, находящихся за пределами соседствующих стран.

> **Факторы глобального уровня**

Неолиберальная эра, начавшаяся в конце 1980-х гг., характеризуется несколькими чрезвычайно значимыми изменениями глобальных демографических процессов, которые сделали миграцию гораздо более противоречивым явлением, чем в предшествующие исторические периоды.

- В период глобализации миграция стала расти более быстро, чем население, при этом рождаемость постепенно снижалась, приводя к старению населения. Одновременно уровень смертности снижался по сравнению с предшествующими периодами.
- Рост миграции обусловлен прежде всего ростом мобильности капитала, который глобально влияет на большие сегменты населения, которые покидают свои места проживания.

- Дебаты о миграции (опирающиеся на исторически сложившиеся дискурсивные паттерны, которые либо поддерживают миграцию, либо ратуют за ужесточение контроля над нею), ужесточились, благодаря росту уровня социальных бенифитов и конкуренции в сфере занятости. Это связано со следующими взаимосвязанными факторами: трендом глобального старения населения, вызванным сокращением рождаемости; сокращением занятости людей трудоспособного возраста; снижением конвергенции в сфере оплаты труда, в результате чего привилегированные группы работников на Западе фактически не испытали роста оплаты труда или она была крайне незначительной; и, наконец, общей стагнацией в сфере перераспределения, которая продолжается с середины 1990-х годов. Все эти структурные обстоятельства представлены в докладе венгерского экономиста Йозефа Бороча «Глобальное неравенство в перераспределении».

> **Факторы европейского уровня**

Исторически сложившийся низкий уровень фертильности в Европе по сравнению со средними мировыми показателями и продолжающееся ускоренное старение населения, приводит к утрате континентом некоторых преимуществ, связанных с прежними показателями смертности и указывает на растущее значение демографических факторов в объяснении озабоченного отношения к миграции. Эта озабоченность связана с парадоксом неолиберализма – конкуренцией между миграцией и политикой социальной поддержки. Мобильность капитала в Европе является крайне высокой: чистый поток прямых иностранных инвестиций превышает мировые показатели. Социалистические экономики Европы, хотя и являются сложно укоренными на континенте, были разрушены во имя мобильности капитала, что привело к массовому сокращению рабочих мест и массовой мобильности населения в свободном пространстве, которое структурировано по критерию неравенства в развитии. Мы также рассматриваем Европу как привилегированный регион в том смысле, что показатели экономического благополучия на душу населения демонстрируют глобально значимое снижение и при этом сохраняется высокий по сравнению с глобальными показателями уровень миграции.

> Региональные и локальные факторы

Если мы сравним показатели долгосрочной занятости, то обнаружим, что в 1990-е и 2000-е гг. трудовая занятость в Европе и на глобальном уровне стала ощутимо сокращаться, а в 2010-х гг. эти показатели стали снова расти. Итак, мы обнаруживаем, что цифры демонстрируют два потерянных десятилетия, которые оказали решающее влияние на эти общества.

Период экономического шока переживался населением Восточной Европы как массовое разукоренение (*disembeddedness*) и выкорчевывание (*uprooting*). Ханн утверждает, что радикальные макроэкономические изменения со всей очевидностью противоречили нормам и повседневным практикам людей, переживающих переход к «рыночной экономике». Что касается миграции то ее ключевые характеристики во всем регионе в, включая Венгрию, характеризуется большими потоками населения, выезжающими на Запад, и привлечением мигрантов только из самого региона; более удаленные перемещения встречаются редко и являются относительно слабыми. По данным ООН на 2015 год, более 25 млн граждан, родившихся в относительно небольших государствах Восточной Европы, не проживают в странах своего рождения. В то же время общая численность мигрантов, в основном перемещающихся в пределах самого региона, незначительно превышает 10 млн человек. Эти цифры демонстрируют крупномасштабный феномен убыли населения в Восточной Европе.

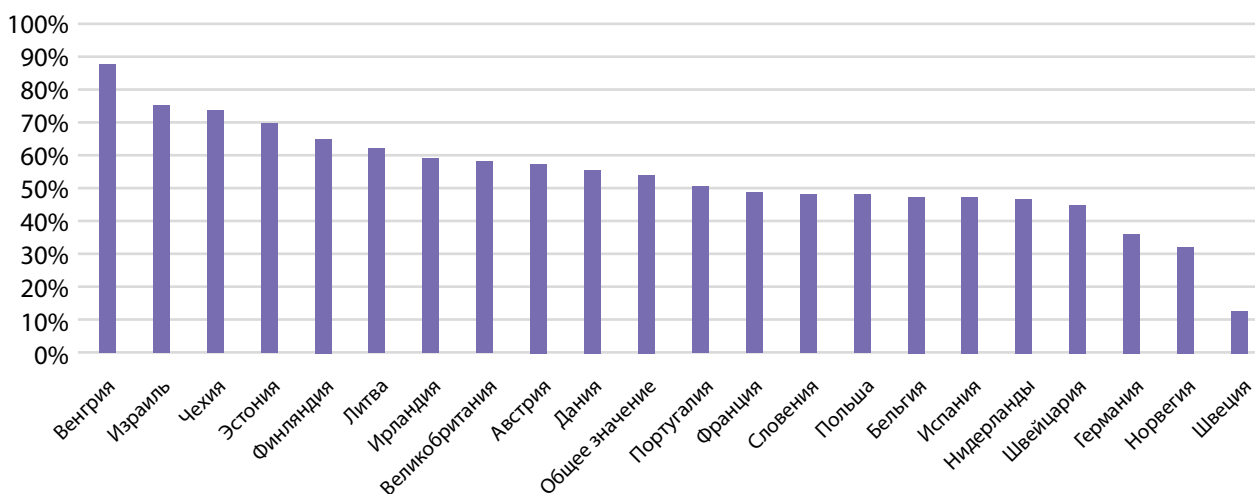
Последствия неравного обмена стран Восточной Европы со странами Западной Европы (капитал прибывает, а рабочая сила убывает) заключаются в следующем. Убыль трудовых ресурсов и навыков; рост несоответствия между спросом и предложением на рынке труда, недостаточный объем и охват социальных и налоговых выплат, – все это приобретает особое значение в условиях продолжающегося старения населения. Эти последствия являются крайне

серьезными для национальных государств и их социальных систем. Осознание таких последствий ведет к тому, что ряд голосов утверждает, что существует угроза того, что некоторые страны Восточной Европы не смогут существовать с демографической точки зрения, не переживая при этом серьезные затруднения в работе своей системы социального обеспечения, которая и без того уже не выдерживает нагрузки. Такая озабоченность усиливается, несмотря на то, что на глобальном уровне и в Европе наблюдается стабильная тенденция роста населения. Анализ обозначенных выше процессов поможет объяснить, почему некоторые Восточно-Европейские страны столь подвержены страхам в отношении обмена населением.

Мы утверждаем, что бизнес и капитал явно заинтересованы в «фиктивном обмене труда мигрантов». Неолиберальная рамка способствует тому, что трудовые ресурсы утекают из страны. Взамен отсылающим регионам предлагаются возможности «импорта» некоторого равного объема абстрактных трудовых ресурсов. Однако такой обмен отвергается местными сообществами и некоторыми националистическими правительствами, которые считают его катастрофической опцией в контексте демографической неустойчивости. Парадоксальным, а иногда и трагическим образом, эта паника становится особенно эффективной, когда обсуждается недавний кризис беженцев, вызванный конфликтами и войнами последних тридцати неолиберальных лет. Но национального или националистического решения этих конфликтов и противоречий неолиберализма не существует. Только глобальное двойное движение может сформулировать ответ, который мог бы помочь разрешению современных проблем. Механическая авторитарная защита национального или локального «демографического тела» – не решение проблемы! Только выход за пределами неолиберальной матрицы сможет обеспечить достойную жизнь мигрантам и не-мигрантам одновременно и в мировом масштабе. ■

Адрес для связи: Атила Мелег <meleg@demografia.hu>

Сторонники ограничения или полного запрета въезда в Европу для иммигрантов из бедных неевропейских стран (по данным Европейского социального исследования (ESS) 2014 г., до т.н. кризиса беженцев)

Источник: Европейское социальное исследование (ESS), панель 2014–2015 гг., https://www.europeansocialsurvey.org/download.html?file=ESS7e02_2&y=2014, доступ 15 октября 2019 г.

> Путь к популизму

Крис Ханн, Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Германия

Мигранты на железнодорожном вокзале Келети в Будапеште (Венгрия), 2015 г. Фото: Крис Ханн.

Важно помнить, что всего за месяц до выхода в свет книги Карла Полаanyi «Великая трансформация» в марте 1944 г. на прилавки книжных магазинов Лондона поступила монография Фридриха Хайека «Дорога к рабству». Обе эти работы нельзя считать академическими по жанру текстами, характерными для социальных наук. Эти популярные книги написаны для того, чтобы изложенные в них мысли были восприняты широкой публикой. Однако, если книга Хайека достигла своей цели очень скоро (частично благодаря сокращенной версии, опубликованной в американском журнале *Reader's Digest* – Дайджест читателя), то более

объемный текст Полаanyi продавался весьма умеренно. Хотя оба автора придерживаются позиций Австрийской экономической школы, их работы существенно различаются по содержанию и стилю. Погружаясь в подробности Британской экономической истории и колониальной этнографии, Полаanyi выступает с аргументами в защиту демократического социализма. Книга Хайека является более абстрактной и острой по содержанию. Он считает либеральную экономическую доктрину ключевой для обеспечения свободы личности и экономической эффективности. Отметим, что Полаanyi, напротив, считает экономический либерализм ответственным за катастрофу фашизма. Для Хайека социалистическое планирование представляет собой путь к тоталитаризму. Он выступает в защиту свободного рынка с минимальным государственным вмешательством. Я не претендую здесь на то, чтобы представить всю сложную интеллектуальную историю, ко-

торая предшествовала публикациям 1944 года, но хочу отметить значимость этих противоположных экономических философий для того, что последовало в дальнейшем, а значит и для сегодняшнего общества, т.е. для того, что происходит в мире 75 лет спустя.

> Подъем и падение укорененного либерализма

Первые послевоенные десятилетия обычно считаются периодом, когда экономика «вновь укоренилась» в обществе (если использовать известную метафору, используемую в «Великой трансформации»). В этот период напряженность, свойственная явлению, которое Поланьи назвал «двойным движением» (с одной стороны, распространение принципа рыночных отношений, с другой «самозащита» общества от рынка), смягчается кейнсианскими принципами экономического управления, поддерживающими высокий уровень безработицы и консолидированное социальное государство. Социалисту Карлу Поланьи были понятны эти компромиссы, его не удивляло даже развитие сильного социального государства в странах Скандинавии. В целом смешанные экономики этого периода и финансовая система, действующая по принципам Бреттон-Вудского соглашения 1944 г., способствовали расцвету либеральных демократий в этот период.

Все эти принципы были подорваны углеводородной политикой и коллапсом Бреттон-Вудской системы в 1970-е годы. К началу 1980-х гг. президент Рейган и премьер-министр Тэтчер (которая цитировала Хайека как своего гуру) начали наступление на прагматический баланс укорененного социализма, превознося добродетели свободного рынка. После распада Советского блока неolibеральные догмы распространялись по всему миру. Разрушение системы центрального планирования, радикальные меры приватизации и маркетизации привели к экстремальным потрясениям. Большинство постсоциалистических стран Восточной Европы, в конце концов, вошли в состав Европейского Союза. Новые элиты Востока присоединились к старым элитам Запада, что привело к полному забвению статьи Маастрихтского договора, посвященной социальным вопросам. Создание новой валюты – евро – показало, что господство принципов свободного рынка создает все большие возможности мобильности капитала и труда, а прежние идеи «социальной Европы» уходят в забвение. Меры жесткой экономии, введенные повсеместно после международного финансового кризиса 2008 года, еще раз продемонстрировали противоречия капиталистической системы, которая становится все более чужеродной.

> Институционализированные рынки и популистская политика

Экономическая жизнь всегда разворачивается в контекстах, структурированных социально-культурными и институциональными условиями. Метафора чужеродности (неукорененности) не должна интерпретироваться буквально: мы должны внимательно проанализировать феномен, который Поланьи называет «институционализированным процессом». Внимательное изучение вопроса показывает, что режим свободных рынков критическим

образом зависит от сильного государства, способного защитить права собственности и обеспечить соблюдение интересов капиталистов в целом. Если бы Поланьи писал свою работу сегодня, он, скорее всего, обратил бы внимание на механизмы, с помощью которых власть даже самых сильных государств подрывается транснациональными корпорациями, которые поразительно успешно уклоняются от налогов и подотчетны лишь держателям своих активов. Поланьи был бы потрясен тем, как неопатримониальные режимы, особенно в его родной Венгрии, манипулируют институтами (такими, как механизмы, созданные Европейским Союзом) не с прагматической целью обслуживания интересов своего населения, но, чтобы укреплять связи клиентелистской зависимости в рамках квазимонополии правящей партии.

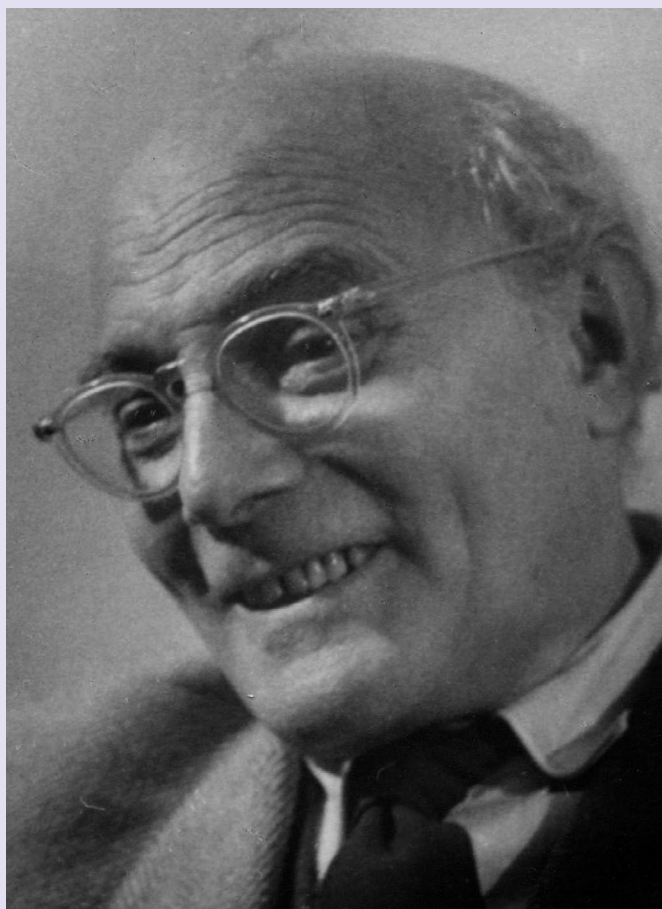
Новая институционализация экономики сопровождается поразительным ростом «популистской» политики во всем мире. Такие политические лидеры, как Орбан в Венгрии и Трамп в США, ставят под вопрос базовую совместимость капитализма и демократии. В таких условиях анализ напряженности, характерной для двойного движения, предложенный Карлом Поланьи, кажется особенно уместным. Когда такое общество, как Венгрия, которое показало существенные успехи в экспериментах «укорененного социализма» в 1960-е годы и позже, внезапно сталкивается с натиском глобального *laissez-faire*, его ответом становится самозащита в виде обращения к ценностям, которым, как представляется, угрожает новый глобальный рынок. На практике такая самозащита проявилась в камуфлировании новых классовых делений подъемом этно-националистических чувств. Рома и евреи – хорошо знакомые Венгрии козлы отпущения, А Брюссель (столица неolibерального ЕС) заменила Москву (столицу старой системы центрального планирования) в качестве основного внешнего врага. Детали могут различаться, но Поланьи, несомненно, распознал бы в происходящем популистские настроения, характерные и для его времени, когда поднималась волна европейского фашизма.

«Великая трансформация» представляет собой четкий анализ того, к чему приводят антисоциалистические догмы *laissez-faire*, представленные в книге Хайека «Дорога к рабству». Обе книги многократно переиздавались и переводились на многие языки, однако, идеи Поланьи никогда не были представлены в сжатой форме в формате «Дайджеста читателя». Продажи от книги Хайека всегда были выше, чем от монографии Поланьи. Кроме того в англо-саксонских странах, после окончания Холодной войны потребность в демонизации социализма стала привычкой, от которой трудно избавиться. Карл Поланьи предлагает целостную альтернативу упрощенному представлению о том, что спонтанность свободных рынков является лучшей гарантией личной свободы. Самый важный вопрос нашего времени заключается в том, сможет ли современный кризис идеологии Хайека быть разрешен в ходе дальнейшего возрождения кейнсианского либерализма или мы присутствуем при эндшпиле капитализма. Оптимист Поланьи предпочел бы второй вариант. ■

Адрес для связи: Крис Ханн <hann@eth.mpg.de>

> Непреходящее наследие Карла Поланьи

Андреас Нови, Венский университет экономики и бизнеса (WU), Австрия

Карл Поланьи в 1964 г.
Из архива Кари Поланьи Левитт.

вания конкретных рынков в рыночных обществах, в то время как Поланьи проблематизировал жизнеспособность рыночных обществ в целом. Для Поланьи отсутствие социальной сплочённости в рыночных обществах является следствием функциональной независимости и, что ещё хуже, доминирования экономических мотивов и интересов над общественными проблемами и политическими интересами.

> Имплитный пространственный анализ Поланьи

Карл Поланьи был убеждённым сторонником кооперативного движения и его первого защитника, Роберта Оуэна. Антиглобалистские движения, социальная экономика и экономика солидарности – все эти современные массовые движения нацелены на то, чтобы дать возможность гражданам, крестьянам и рабочим формировать свою собственную жизнь и жизнь общества. Они проводят эксперименты в сферах самоуправления и представительного правления и, как правило, руководствуются убежденностью в способности людей и сообществ контролировать свою жизнь, «заново встраивать экономику в общество» в большей степени на принципах кооперативных ценностей и в меньшей – материалистических потребностей и желаний. Массовые движения способствуют социально-экономической демократизации, нацеленной на то, чтобы найти своё место для экономики и расширить демократию за пределы политической сферы. Деятельность по финансированию, производству и заботе считается слишком важной для того, чтобы быть изолированной от процесса коллективного принятия решений, общественной подотчётности и совместного управления. Многие инициативы гражданского общества, относительно недавно возникшие движения перехода и общего достояния (*commons*), продвигают социальные инновации снизу. Однако часто они попадают в ловушку локализма, поскольку не могут продвигать институциональные и структурные изменения за пределами проекта или района.

После смерти в 1964 году Карл Поланьи был в основном известен в сфере антропологии как ярый защитник более контекстуализированного понимания экономики как «жизнеобеспечения». Открытие Поланьи как социального учёного компетентного в широком спектре дисциплин началось с 1970-х гг. В экономике это произошло благодаря работе Дугласа Норта, который получил Нобелевскую премию за выявление важной роли институтов в экономическом развитии. В отличие от Поланьи Норт сосредоточился на рынках, собственности и контрактах. В социологии Марк Грановеттер популяризировал концепцию «укоренённости» экономического действия, значимую для Поланьи, однако использовал её для исследования функциони-

>>

Таким образом, мы подходим к важному, хотя и часто забываемому аспекту творчества Карла Поляни – к имплицитному пространственному анализу. Озвученная им критика саморегулируемого рынка не подразумевает отказа от всех типов рынков. Это критика формирования «Единого Большого Рынка», единого взаимосвязанного рынка, где все можно продать, даже то, что не было произведено для продажи. Ключевым институтом, поддерживающим такой рынок до 1930-х годов, был золотой стандарт, с помощью которого вся социально-экономическая деятельность в мире стала сопоставимой и, следовательно, предназначенной для торговли. Такая утопия экономического либерализма с точки зрения Поляни является антиутопической. Ещё до того, как в конце двадцатого века был изобретен термин «глобализация», Поляни беспощадно критиковал «универсальный капитализм», а также неконтролируемое распространение технологий в «машинную эру».

> Неолиберализм и необходимость многоплановых альтернатив

Однако только после того, как в 2000 году «лопнул пузырь виртуальных компаний», и в 2008-2009 произошёл финансовый кризис, критика катастрофических социальных и экологических последствий сознательно спланированной «свободной рыночной экономики», высказанная Поляни, была услышана и стала основой для рефлексии о том, как современные общества реагируют на коммодификацию жизни. Четыре десятилетия планового неолиберализма и экономизации всех аспектов жизни приводят к росту меж- и трансдисциплинарных исследований, опирающихся на наследие Поляни. В социологии Майкл Буравой применяет его концепцию для осмысления текущей коммодификации природы, знаний и данных. Влияние неолиберализма на повседневную жизнь, от гендерного разделения труда до коммерциализации образования и здравоохранения, усугубляется растущим доминированием финансовых рынков.

Академическое и политическое сопротивление неолиберализму во всем мире сделало Поляни вдохновителем тех, кто заинтересован в понимании и изменении мира, в котором доминирует рыночная логика. Многие известные учёные критикуют неолиберальную глобализацию, обозначая её как гиперглобализацию (термин Дэни Родрика) и как «великую финансиализацию» (термин Кари Поляни Левитт). Как утверждает Вольфганг Штрек, современный мировой экономический порядок угрожает демократии, режимам социального обеспечения и национальному суверенитету. Альтернативы могут заключаться в более скромных формах экономической интеграции, расширении национального политического пространства и переосмыслении демократии.

Эти вопросы с недавнего времени рассматриваются в рамках Конференции Организации Объединённых Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД), которая призывает к новому глобальному курсу, преодолевающему жёсткую экономию, повторно внедряющему финансо-

вые рынки и ограничивающему экономическую власть, особенно власть финансового капитала и цифровых платформ. Возможно, что это наиболее значимый вклад неортодоксальных экономистов в экономическую социологию, которая со времён фундаментальной работы Грановеттера имеет тенденцию пренебрегать макроэкономической динамикой. С другой стороны, социологическая перспектива может обогатить определение экономики Поляни как «жизнеобеспечения» путём исследования движущих сил, власти, контекста и системной интеграции, что привело бы к более локальному пониманию экономики как укоренённой в определённом контексте, состоящей из конкретных институтов, которые производят не единообразный, а разнообразный капитализм.

В моём понимании, альтернатива гиперглобализации заключается в укреплении демократии в конкретных контекстах и на разных уровнях экономического порядка. Поляни подчеркивал значимость наднационального регионального планирования; вторя ему, географы напоминают нам, что способы жизнеобеспечения в значительной мере определяются структурными особенностями соседских сообществ, городов и регионов. Политическая экономия настаивает на том, что демократическая подотчётность так же, как и социальное обеспечение всё ещё организуются в основном на национальном уровне. Демократическое, устойчивое и солидарное управление требует многоуровневой перспективы.

Наконец, на самом базовом уровне наследие Поляни включает его видение цивилизационной альтернативы существующему рыночному обществу, ключевыми институтами которого являются собственность и конкуренция. Для Поляни существование капиталистических рыночных обществ должно сопровождаться диалектикой развития экономического прогресса и социокультурной безопасности. В долгосрочной перспективе, цивилизации, которые сосредоточены исключительно на экономическом развитии, рухнут так же, как рухнула либеральная цивилизация в 1930-х годах. Надвигающиеся экологические катастрофы, вызванные выходом за пределы планетарных ресурсов, придают этим размышлениям новую актуальность. Биофизические границы трансформируются в социальные границы, отделяя богатых ресурсами собственников от неимущих, а Глобальный Север от Глобального Юга. По мере роста исключения и неравенства может распространяться авторитаризм и реакционная культурная политика. Но борьба с исключением и неравенством может также усилить движения, направленные на восстановление чувства принадлежности, защищённости и среды обитания человека, а также на сохранение подходящего для жизни климата. Следуя Поляни, мы считаем, что личная свобода и ответственность открывают ряд возможных вариантов будущего, предупреждая любые детерминистические прогнозы. ■

Адрес для связи: Андреас Нови <Andreas.Novy@wu.ac.at>

> Энн Барден Дени: дань памяти

Линда Кристиансен-Раффман, Университет Святой Марии, Анджела Майлз, Университет Торонто, Мэрилин Портер, Мемориальный университет, Канада

Энн Барден Дени. Фото из архива Унитарного комитета социальных услуг (USC), Канада.

Энн Барден Дени внезапно скончалась от сердечного приступа 5 февраля 2019 г. Ей было всего 73 года. Большую часть жизни Энн посвятила социологии, междисциплинарным наукам, достижению равноправия в обществе и установлению уважительных социальных отношений вопреки различиям. Коллеги, студенты, друзья и менторы скорбят по миролюбию и чуткости Энн, вспоминая её умение сотрудничать, аналитические и организаторские навыки, эрудицию и надёжность.

Не так давно Энн начала использовать своё второе имя – Барден, чтобы воздать должное сильной материнской линии своей семьи. Исследовательница высоко ценила мудрость и опыт, которые она унаследовала от матери и бабушки, которые жили в больших патриархальных франко-канадских семьях. У этих женщин Энн научилась тому, насколько важны образование и трудоустройство для утверждения женской независимости в мужском мире. Понимая, каким образом данная проблема связана с вопросами личной и социальной власти, Энн приобрела силу и уверенность в своей лидерской роли, как в личной, так и в социологической сфере. Это также поддерживало её в профессиональном развитии как феминистку. Хотя этот текст главным образом касается публичной деятельности Энн и её вклада в науку и развитие гражданского общества, она участвовала в социальной жизни и заботилась о своих близких, при этом оставаясь независимой женщиной.

Энн активно участвовала в работе нескольких профессиональных социологических ассоциаций, способствуя их обновлению и творческой реорганизации. Со смер-

тью Энн они многое потеряли. Она внесла выдающийся административный и научный вклад в работу Канадской социологической и антропологической ассоциации (КСАА), ныне КСА, и её секции феминистских социологических исследований; Международной социологической ассоциации (МСА) и двух её исследовательских комитетов: ИКО5 (название на тот момент – «Этничность, раса и отношения с меньшинствами», ныне «Расизм, национализм, автохтонность и этничность») и ИК32 (название на тот момент – «Женщины в обществе», ныне «Женщины, гендер и общество»); а также Канадского исследовательского института расширения прав и возможностей женщин (CRIAW-ICREF), особенно в последние годы. В каждой из этих организаций, в каждом комитете, а также в своём Оттавском университете, проводящем обучение на двух языках, Энн неустанно работала как исследователь и руководитель (часто на президентском уровне). Она добилась высокой организационной эффективности и устойчивой социальной, академической и практической релевантности работы организаций. Кроме того, она стремилась защищать и продвигать основные принципы социальной справедливости, открытости, свободного доступа и инклюзивности как внутри учреждений, так и в отношениях между ними. Помимо этого, она использовала свои писательские и редакторские навыки, публикуя статьи в книгах, журналах, специальных выпусках, информационных материалах и бюллетенях. Энн долгое время была научным консультантом редсоветов многих социологических журналов и грантовой программы «Канадское руководство по научным публикациям» (*Canada's Aid to Scholarly Publications*). Феминистское руководство Дени и её блестящий администра-

>>

тивный ум были огромным подспорьем для канадской и международной социологии, а также интерсекциональной феминистской сети.

Кроме того, Энн долго время являлась членом следующих организаций: ACSALF (франкофонный канадский эквивалент KCA - Канадской ассоциации этнических исследований (CESA-SCEE); а также двуязычной ассоциации «Женские, гендерные и феминистские исследования» (*Women and Gender Studies et Recherches Féministes, WGSRF*) – с самого первого собрания. Энн активно участвовала в жизни и франкофонного, и англофонного социологического сообщества, сохраняя французское произношение своей фамилии *Denis* – Дени. Настаивая на непроницаемости буквы s, Энн с самого начала своей карьеры в кругу канадских англофонных социологов указывала на проблемы франкофонности и этнического равенства. Позже она присоединилась к квебекцам и другим канадским коллегам на собраниях «Франкофонии» – организации по защите французского языка и французской культуры во всём мире.

В 2011 г. Энн стала одним из инициаторов проведения Феминистских междисциплинарных сессий на ежегодном Канадском Конгрессе гуманитарных и социальных наук (KCSH). С 2013 г. она была председателем сектора феминистских исследований KCA. Участвуя в организации мероприятий и администрируя эти две связанные между собой программы, Энн лично переводила материалы работы сектора на французский язык, чтобы увеличить число франкофонных участников и двуязычных заседаний. В результате этой деятельности, которую она вела всю жизнь, двуязычие получило и продолжает получать значительное признание в KCA и KCSH.

Социологически информированный, комплексный феминистский административный подход Энн Дени помог выжить Канадскому институту расширения прав и возможностей женщин (CRIAOW-ICREF), основанному в 1976 г. с целью сделать исследования о женщинах более доступными для женщин-правозащитниц. С 2009 по 2015 гг. Энн состояла в правлении Института и занимала последовательно позиции вице-президента, президента и почетного президента. В то время Институту и другим феминистским организациям грозило вымирание: государственное финансирование было урезано. В этот суровый период Энн поддержала Институт, своим активным участием вернув жизнеспособность организации и воссоздав волонтерские комитеты. Глобальные интересы и административные навыки помогли Энн понять, что нужно Институту для восстановления своих позиций и получения статуса в ООН. Представляя Институт в ООН, она взяла на себя роль организатора, представителя и ментора на собраниях НКО, связанных с ООН и занимающихся положением женщин. Дени также постоянно информировала канадских коллег-социологов о повестке ООН.

Одним из примеров профессиональной чуткости и разносторонней квалификации Энн является случай, произошедший в MCA в 1994 г. Наша группа прибыла из другого города после предварительной конференции ИКЗ2, чтобы заселиться в забронированное заранее отдельное жильё. Одного из нас, пожилого азиатского исследователя, администраторы поселили отдельно от группы. Пока мы протестовали против такой сегрегации, Энн взвесила все

наши возможности и взяла на себя исполнение решения, которое в итоге оказалось беспроигрышным для всех трёх сторон. На следующее утро наш коллега смог поселиться вместе со всеми, и Энн убедила администрацию согласиться на это решение. Благодаря её плану мы смогли посетить закрытое «охраняемое жильё» для цветных участников, куда изначально поселили коллегу. Как и другие члены MCA и представители оргкомитета мы были поражены первоначальным решением о расселении, которое носило очевидно расистский характер. Действия Энн в этой критической ситуации стали важным элементом, помогающим MCA стать более эгалитарной, поистине интернациональной организацией.

Разумеется, Энн была и блестящим учёным, оставившим после себя обширное научное наследие. Её докторская диссертация, «Меняющаяся роль студентов по отношению к руководству британских университетов в 1935–1968 гг.» (*The Changing Role of Students in Relation to the Government of British Universities (1935–1968)*), предопределила социологическую систему образов, на которую она опиралась в дальнейшем. В основе этой работы лежит биографическая реальность, вписанная в исторические структуры власти. Дальнейшие исследования Дени в основном проводила в Канаде, и её труды были связаны с образованием, женским трудом, рабочей силой, Интернетом, а также женщинами, классом и этничностью. Её работы приобрели более выраженный сравнительный характер после индийской конференции MCA 1986 года и творческих отпусков на англоязычных Карибских островах, в частности, на Барбадосе. Энн возглавляла международную исследовательскую команду «(Не)равенство, идентичность и использование Интернета меньшинствами в глобализирующемся мире: использование Интернета молодёжью Барбадоса и франкофонной части Онтарио» (*(In)equality, Identity and Internet Use by Minorities in a Globalizing World: Young People's Internet Use in Barbados and Francophone Ontario*).

Будучи вице-президентом MCA по исследованиям с 2002 по 2006 г., Энн организовала конференцию Исследовательских комитетов MCA. После перевыборов в Исполком MCA Дени выступила соавтором книг «Справочник MCA по современной социологии: конфликт, конкуренция, кооперация» (*The ISA Handbook in Contemporary Sociology: Conflict, Competition, Cooperation*) и «Облик социологии XXI века: традиция и возрождение» (*The Shape of Sociology for the 21st Century: Tradition and Renewal*). Кроме этих инициатив, Энн в составе MCA изучала как насущные, так и более долговременные проблемы, а также хронические казусы – например, недемократические практики и отсутствие лингвогеографического разнообразия в некоторых исследовательских комитетах.

Невозможно переоценить тот фундаментальный и разносторонний вклад, который внесла Энн Дени в практику и развитие канадской и международной социологии в целом, а также в интерсекциональные феминистские и этнические исследования. ■

Скорбим, помним и выражаем признательность!

Адреса для связи:
Линда Кристиансен-Раффман <ruffman@smu.ca>
Анджела Майлз <angela.miles@utoronto.ca>
Мэрилин Портер <mporter2008@gmail.com>

> Миграция – В ДВИЖЕНИИ

Карин Шершель, Рейн-Майнский университет прикладных наук, Германия

Фото: Ник Янгсон
(лицензия Creative Commons 3).

Динамика миграции и потоки беженцев, в общем и целом, являются результатом неравного глобального распределения социальных, экономических, культурных и политических прав. Мы бы не размышляли и не говорили о миграции, если бы современный глобализированный мир не был разделён границами на национальные государства. Современный глобальный политический порядок определяется национальными и наднациональными структурами, декларирующими, что они имеют право принимать решения о гражданстве и территориальных границах. Примечательной особенностью современной миграции является ужесточение мер, ограничивающих миграционные процессы, в частности контролирующих поток беженцев. Ярчайшие и широко обсуждаемые примеры этого – границы европейских стран и США.

С одной стороны, феномен гражданства – это достижение современности. Однако в то же время гражданство представляет собой механизм исключения и движущую силу социального неравенства. Люди стремятся пересечь границы, чтобы поступить в вуз, устроиться на работу или же найти более благоприятные условия жизни, если их нынешние условия невыносимы. Тем не менее, миграция – не новое явление: люди мигрируют с самого начала истории человечества. Как напоминает нам Герда Хек в статье «Европейские представления и африканские реалии мобильности», в истории миграции существуют забытые главы. В XIX и XX веках африканский континент был «тихой гаванью» для тысяч беженцев и экономических мигрантов из Европы, ищущих убежище или стремящихся начать новую жизнь.

>>

Сегодня фундаментальной движущей силой миграции и беженства является глобализация. Эта мощная сила нивелирует эффект больших географических расстояний. В настоящее время число стран и людей, включённых в миграционные процессы, гораздо выше, чем когда бы то ни было в истории.

В формировании миграционных потоков значительную роль играет иммиграционная политика прошлого и настоящего. Другой важный фактор – отношения между растущими транснациональными потоками капитала, товаров, информации и людей. В основе международного миграционного процесса лежит взаимодействие множества факторов, и поэтому невозможно выделить один главный паттерн движения мигрантов. Процесс миграции может определяться экономическими, политическими, культурными, экологическими факторами. Например, Верховный комиссар ООН по делам беженцев предсказывает, что в следующие несколько лет климатические изменения вызовут гигантскую волну беженцев. Аналогичным образом, причиной переселения множества людей становится экспроприация земли.

Миграцию нельзя рассматривать как изолированный феномен. Скорее, она представляет собой хитросплетённые отношения между вышеперечисленными факторами. Процесс международной миграции – это не просто переезд людей из одной страны в другую; его следует рассматривать как долгосрочный феномен, преодолевающий пространственные и временные границы. Карлос Сандоваль в своей статье «Центральноамериканский караван: исход XXI тысячелетия» задумывается о социальном характере таких миграционных движений. Караваном движет множество причин: исход из Гондураса или Сальвадора был спровоцирован высоким уровнем бедности, а также растущими ценами на электричество, природный газ и бензин. Люди мигрируют группами и вместе пересекают границы. Караван не только защищает их от насильственных действий, например похищения или вымогательства, но и демонстрирует коллективный характер миграции.

Глобализация способствует облегчению пересечения границ и укреплению экономических отношений. В то же время глобальная реструктуризация капитализма повышает спрос на мигрантский труд. Труд мигрантов играет важнейшую роль в национальных экономиках принимающих стран. Как показывает Бедиз Йылмаз на примере Турции, этот труд часто имеет неформальный характер. Сейчас в Турции проживает 3,6 млн сирийцев, бежавших от войны. Эксплуатация сирийских рабочих – широко распространённый феномен, на который турецкие власти закрывают глаза. В статье под заголовком «Беженцы как несвободная рабочая сила: заметки из Турции» Йылмаз обсуждает эксплуататорские условия мигрантского принудительного труда.

Мы наблюдаем, как продолжающаяся международная миграция переходит временные и пространственные границы. Многие мигранты теперь живут одновременно

в двух или более обществах: на родине и в принимающих странах. Транснациональные мигранты создают общее пространство символической коллективной репрезентации вне национальных государств. Одним из важнейших аспектов современных миграционных потоков является разнообразие. Есть множество типов мигрантов: ищущие убежища, беженцы, недокументированные мигранты и трудовые мигранты (включая интеллектуальные и деловые элиты, а также домашних работников).

Глобальную значимость современные миграционные потоки приобрели по причине усовершенствования средств передвижения и коммуникации. Мы можем общаться в открытых транснациональных пространствах коммуникации, невзирая на границы. Недавно я посетила Веркану, прекрасное небольшое поселение в Италии. Там я общалась с подругой, выросшей в Йемене. Она на три недели вернулась на родину, и как раз в это время произошёл ракетный обстрел г. Аден. Навещая свою семью, она писала о голоде и погибших, о звуке падающих боеголовки. Новые информационные и коммуникационные технологии делают возможным опыт одновременности неодновременного. Мы можем в режиме реального времени испытать социальные последствия несправедливости, войн и гонений. Таким образом, СМИ не только содействуют распространению несправедливости, но и помогают улучшать качество жизни, совершенствовать пути миграции и отстаивать демократические права.

Выдающийся социолог Зигмунт Бауман утверждал, что существуют «глобализованное богатство и локализованная бедность». Так, наличие права и возможности мигрировать зависит от финансового положения, гражданства и гендера.

Несомненно, мы наблюдаем амбивалентную динамику между облегчением движения людей и его герметичной закупоркой в разных странах мира. Популярными примерами тому – агрессивная политика Дональда Трампа, грозящегося построить стену между США и Мексикой, а также создание и воплощение «европейской крепости». Одновременно мы наблюдаем, с одной стороны, подъём правых националистических движений и нового агрессивного национализма, а с другой стороны – акты солидарности. Глобальное распространение идей, в основе которых лежат права человека, ведёт к появлению движений против политики ограничительных мер. В статье Сары Шилигер описывается концепция города солидарности. Политическое пространство города становится полем демократизации городской жизни. Понятие гражданства рассматривается не как статус, а как процесс, который подразумевает согласование принадлежности к городу и предоставление доступа к гражданским правам.

Размышлять о миграции – значит рефлексировать по поводу необходимости границ, критериев принадлежности и осуществления прав человека в современном неравном, глобализованном мире.■

Адрес для связи: Карин Шершель <Karim.Scherschel@hs-rm.de>

> Европейские представления и африканские реалии мобильности

Герда Хек, Американский университет в Каире, Египет

В октябре 2018 г. канцлер Германии Ангела Меркель созвала африканских лидеров на саммит в Берлине. Меркель объявила о создании нового Фонда развития объёмом в 1 млрд евро, цель которого – победить безработицу в Африке. По словам канцлера, именно этот фактор стимулирует «массовую миграцию» из Африки в Европу. Это событие проявило два мифа, всё ещё весьма распространённых в европейском дискурсе об африканской миграции: во-первых, что большинство африканцев-мигрантов бедны, не образованы или малоквалифицированы; во-вторых, что Африка является континентом массового исхода. Похоже, европейцы страдают от исторического невежества по поводу их собственной эмиграции в Африку и колониального наследия континента. Тем не менее, именно колониальное наследие и сложные отношения Европы с африканскими странами оказывают доминирующее влияние на евроафриканскую миграционную политику и сопровождающий её дискурс.

Краткий исторический экскурс по вопросу европео-африканской миграции показывает, что часть истории была предана забвению. В определённые периоды на протяжении двух прошлых веков африканский континент был «тихой гаванью» для тысяч беженцев и экономических мигрантов из Европы, ищущих пристанище или стремящихся начать новую жизнь. Во второй половине XIX века русские евреи бежали от антисемитских погромов в Египет. В это же время греческие и итальянские подёнщики работали на строительстве Суэцкого канала. Во время Второй мировой войны в лагерях беженцев в Египте, Палестине и Сирии укрылось более 40 000 выходцев из Польши, Греции и Югославии. Другие беженцы уехали в Танзанию, Кению и Уганду.

> Европейский миграционный контроль

В начале XXI века одной из самых актуальных политических проблем стал контроль над глобальным перемещением людей. За лето и осень 2015 г. в Европу прибыло примерно 800 000 беженцев. Ответом со стороны Европы стала организация Чрезвычайного целевого фонда ЕС для Африки: на борьбу с «глубинными причинами нерегулярной миграции» было выделено 3,4 млрд. евро. Евро-

пейские лидеры начали интенсивную работу с разными странами Африки, поставив поддержку развития в зависимость от готовности стран принимать возвращенцев из Европы и предлагая внеочередную помощь в обмен на обещание африканских правительств сдерживать миграционные потоки.

В этом нет ничего нового. С самого конца 1980-х ЕС разрабатывает инструменты и процессы, ужесточающие иммиграционную и визовую политику европейских стран. В этой связи список стран, гражданам которых для въезда в зону Шенгена необходима виза, был утверждён в соответствии с критерием риска иммиграции из этих стран. Самый высокий процент отказов в выдаче европейских виз приходится на определённые страны Африки. В частности, в 2014–2017 гг. в Яунде, столице Камеруна, консульство Германии отклонило 45% заявлений на получение визы.

При этом контроль границ и мобильности мигрантов является постоянным предметом переговоров между ЕС и сопредельными странами Африки с начала 2000-х. Между Ливией и Италией начиная с 2004 г. было заключено несколько соглашений, направленных на ограничение миграции из Ливии. Результатом этих соглашений стала депортация мигрантов, прибывающих на итальянский остров Лампедуза, назад в Ливию, где они содержались в лагерях. В 2008 г. итальянский премьер-министр Сильвио Берлускони заключил «Договор о дружбе и сотрудничестве» с Муаммаром Каддафи. Много лет Ливия требовала миллиардных компенсаций за колониальные преступления Италии. Сейчас итальянские власти пообещали профинансировать и построить в Ливии прибрежную автодорогу, ассигновав на это 250 млн. долларов ежегодных выплат в течение 20 лет. В 2011 г., когда в Ливии произошла революция и НАТО встало на сторону повстанческого движения, Каддафи прекратил сотрудничество с Италией и решил обратить миграцию из Ливии против Евросоюза. Полицейские отряды остались верны Каддафи, и множество людей, никогда не помышлявших о переезде в Европу, были вынуждены сесть в лодки и стать мигрантами.

После Арабской весны (апрель 2012 г.), Италия и Ливия решили возобновить партнёрство по вопросу миграционного контроля. 2 февраля 2017 г. Италия вновь согласи-

“**Похоже, европейцы страдают от исторического невежества по поводу их собственной эмиграции в Африку и колониального наследия континента**”

лась сотрудничать с ливийскими военными и пограничниками, чтобы «перекрыть поток нелегальных мигрантов» – то есть не пускать мигрантов и беженцев в Европу. С тех пор итальянское правительство и Евросоюз поставляют ливийским войскам береговой охраны суда, финансируют их профподготовку и обеспечивают другую помощь в морском патрулировании и задержании беженцев и мигрантов, плывущих в Европу. Около 38 000 людей было перехвачено ливийской береговой охраной и возвращено в центры задержания.

Уже в 2015 году Северную, Западную и Восточную Африку стала постепенно покрывать всеобъемлющая сеть соглашений между Европой и африканскими странами об «управлении миграцией, договорах о реадмиссии и пограничном контроле – явлениях, тесно связанных с поддержкой развития и обязательством увеличить количество европейских виз». Когда был создан Чрезвычайной целевой фонд ЕС для Африки, фокус внимания сдвинулся в сторону африканского континента, и появился новый дискурс, утверждающий, что можно в зародыше задушить «зло», состоящее в нерегулируемом пересечении границ. 63% средств Фонда идут на проекты экономического развития, 22% – на проекты, связанные с управлением миграцией, ещё 14% – на охранные и миротворческие мероприятия. Таким образом, большая часть финансирования уходит европейским национальным организациям. Одним из партнёров Германии в реализации программы Фонда является организация GIZ (Общество интернационального сотрудничества), отвечающая, например, за программу «Улучшение управления миграцией» в Восточной Африке. Общество GIZ подвергается сильной критике со стороны правозащитных организаций за сотрудничество с бывшими полевыми командирами в Судане.

> **Африканские реалии**

Необходимо исследовать последствия создания Чрезвычайного целевого фонда для африканского континента. Европа оказывает давление на африканские правительства, заставляя их строго охранять пограничные заставы и принимать обратно депортированных. Это можно рассматривать как очередную главу долгой истории связанных между собой траекторий межконтинентальной миграции, чаще направленных в одну сторону, чем в другую. Направление этих траекторий определяется неравенством властных полномочий, колониальным господством, эксплуатацией и расизмом. Однако в то же время африканские правительства не являются пассивными жертвами европейской экстернализации, так как

по поводу всех соглашений ведутся гибкие переговоры. Более того, годы исследований показывают, что миграционные движения невозможно остановить с помощью пограничного контроля.

Действительно, Асмита Паршотам (2018) демонстрирует, что в Африке происходит меньше всего миграций в мире, а большинство африканских международных мигрантов не выезжают за пределы континента. В 2017 г. на африканском континенте проживало 19,4 млн. международных африканских мигрантов и ещё 5 млн. мигрантов, приехавших из неафриканских стран. Согласно данным UNHCR, треть мирового числа беженцев (4,9 млн.) были приняты такими странами, как Демократическая Республика Конго, Камерун, Кения, Судан, Уганда, Чад и Эфиопия. Несмотря на рост числа африканских мигрантов, проживающих вне континента, с 6,9 млн. в 1990 до 16,9 млн. в 2017, статистика едва ли коррелирует с тем, в каких красках европейские СМИ расписывают мигрантов, прибывающих на европейские берега.

Кроме того, не все эти мигранты живут в Европе. К примеру, более 80% египетских трудовых мигрантов работают в странах Персидского залива: Саудовской Аравии, Иордании, Кувейте. Появляется всё больше миграционных путей, связывающих Африку с Латинской Америкой, Азией и странами Персидского залива. За последние тридцать лет африканские мигрантские сообщества сформировались в Гуанчжоу, Гонконге, Дубае и Стамбуле. Возникновение этих мигрантских сетей тесно связано с высокой мобильностью африканских торговых представителей, перемещающихся между континентами. Хотя Европу нельзя считать несущественным миграционным направлением, она занимает далеко не центральное место в этом процессе, в отличие от того, что утверждает популярный дискурс и научные публикации, посвященные африканской мобильности. Фактически, Европа вложила немало инвестиций в производство знаний с целью управления африканскими миграционными потоками – не только у границ Европы, но и внутри Африки. В связи с этим философ Ахилл Мбембе недавно выдвинул тезис в защиту африканского континента без границ. Согласно Мбембе, ответом на попытки тотального европейского миграционного контроля внутри Африки должна стать следующая ступень деколонизации Африки: предоставление всем африканцам права на мобильность и пересмотр условий участия в культурно-политическом ансамбле, не ограниченном рамками национальных государств. ■

Адрес для связи: Герда Хек <gerda.heck@aucegypt.edu>

> Центральноамериканский караван: исход XXI века*

Карлос Сандоваль, Университет Коста-Рики, Коста-Рика

Мигранты пересекают мост на границе Гватемалы и Мексики, 2018 г. Фото: boitchy/flickr. Некоторые права сохранены.

С октября 2018 года мировое внимание приковано к коллективному исходу жителей Центральной Америки из родных стран, особенно из Гондураса и Сальвадора. Этот так называемый «караван мигрантов» сначала двигался через Гватемалу и Мексику, и в июне 2019 года многие из них с надеждой остановились в Тихуане, на границе США и Мексики, ожидая решения своей судьбы.

> Караван или исход?

Первый элемент описываемой ситуации, который достоин обсуждения, это само понятие «каравана». В повседневном словоупотреблении на испанском, а, может быть, и на других языках, слово «караван» не обязательно ассоциируется с опасным или рискованным вынужденным уходом. Понятие «исход» (*exodus*) – имеет длинную историю и ассоциируется, прежде всего, с библейскими текстами. На наш взгляд, именно это понятие адекватно описывает Центральноамериканский случай, потому что оно указывает на принудительную природу миграции. Сегодня в Центральной Америке люди не делают выбора в пользу миграции – они вынуждены уезжать. Второй аспект ситуации, нуждающийся в прояснении, связан с вопросом роста миграции из Гондураса. Данные переписи населения США позволяют высказать суждение на этот счет. Если мы сравним данные переписи 2000 и 2010 гг., то увидим, что за эти десять лет число выходцев из Центральной Америки увеличилось на 136 процентов. При этом число выходцев из Гондураса увеличилось на 191%, выходцев из Гватемалы на 180%, приехавших из Сальвадора на

151%. Новым является не число тех, кто был вынужден мигрировать, а их коллективное решение покинуть свою страну.

> Что объясняет коллективную миграцию из Гондураса?

Итак, новостью является не численность, а коллективный характер миграции. Эти коллективные движения могут быть мотивированы как временными, так и структурными факторами. Рост цен на электричество, природный газ, бензин и продукты питания также является фактором, запускающим процесс миграции.

Жизнь мигранта в составе группы безопаснее, потому что минимизируются риски быть похищенным и стать жертвой вымогательства. Чтобы пересечь мексиканскую границу люди из стран Центральной Америки, за исключением Коста-Рики, должны получить визу. Такой режим заставляет мигрантов искать неофициальные пути пересечения границы и делает их уязвимыми для организованной преступности и мексиканской полиции. В контексте развития социальных медиа, люди самостоятельно организуются в группы и, собираясь отправиться в путешествие на ночном автобусе, принимают рациональное решение сделать это не в одиночку, а с новыми товарищами.

Отсутствие достойного заработка является ключевым выталкивающим мотивом, который носит в значительной степени структурный характер. Доля бедного населения Гондураса составляет 64,3%, а угроза бедности

>>

является структурным условием, с которым очень трудно справиться, в особенности молодым людям, которые составляют молчаливое большинство тех, кто каждую ночь покидает свою страну.

Что касается политического контекста, то, без сомнения, переворот в Гондурасе сделал социальную ткань общества крайне непрочной. В июне 2019 года исполнилась десятая годовщина переворота, а в ноябре 2017 года Хуан Орландо Эрнандес был переизбран на фоне мощных протестных акций, сомнений и свидетельств электорального мошенничества. Эрнандес умудрился изменить конституцию страны, создав, таким образом, правовые возможности для своего повторного избрания. Ирония момента заключалась в том, что оппозиция этому переизбранию стала одним из мотивирующих факторов переворота 2009 года.

Третья комбинация факторов, способствующих массовой миграции носит социальный характер. Уровень преступности в Гондурасе крайне высок. В 2016 году Сан-Педро-Сула был самым криминальным городом мира после Каракаса; в нем уровень убийств составлял 111 случаев на 100 000 человек.

> Путь и прибытие

Большинство мигрантов добирались до границы Мексики и США самым длинным путем, двигаясь в северном направлении. Это решение сделало путешествие еще более тяжелым. Выбор маршрута, скорее всего, объяснялся желанием избежать дороги вдоль Мексиканского Залива, где действуют группы организованной преступности, наблюдаются массовые случаи вымогательства, а, значит, велика угроза жизни путешественников. Этот более короткий путь составляет 2700 км и тянется от Сан-Педро-Сулы в Гондурасе до Тамаулипаса в Мексике (на берегу Залива). Но большинство мигрантов предпочитает ехать в Тихуану, что расположена на Тихоокеанском берегу Мексики, и их путь составляет 4348 км.

В настоящее время миграционные власти требуют, чтобы люди, пребывающие на границу Мексики в составе так называемого «каравана» регистрировались в списках, которые контролируют мексиканские власти. Регистрация в списках позволяет мигрантам официально искать убежища в США.

Правительство США удовлетворяет около 10% заявлений на статус беженца. Решения Высшей Комиссии ООН по правам беженцев зачастую игнорируются властями США, которые обеспечивает 40% бюджета этой структуры и являются самым крупным вкладчиком в ее бюджет.

> Продолжение следует

В завершение необходимо принять во внимание еще три обстоятельства. Первое. В ноябре 2018 года в США в ходе промежуточных выборов в четырех штатах, граничащих с Мексикой, 9 из 9 регионов голосовали в поддержку представителей Демократической партии. Поощряемая ненависть к мигрантам не обеспечила здесь электоральную поддержку Трампа, и это обстоятельство вселяет надежду на то, что антимигрантские настроения могут потерпеть крах на политической арене.

Второе. 1 декабря 2018 года Андрес Мануэль Лопес Обрадор стал президентом Мексики. Без сомнения, одна из самых сложных и насущных проблем, которую он должен решать – это проблема миграции из Центральной Америки. Во время последнего саммита по миграции, состоявшегося в Маракеше (Марокко), правительство Мексики выступило с предложением обеспечить работой около 200 000 жителей Центральной Америки, которые каждый год транзитом проходят по территории Мексики. Однако в июне 2019 года Лопес Обрадор согласился усилить миграционный контроль, чтобы отвратить Трампа от планов налогообложения экспорта мексиканских товаров в США,

И, наконец, последнее, но не менее важное обстоятельство. Кроме переизбрания Трампа и начала нового президентского и парламентского цикла в Мексике, огромная проблема заключается в том, чтобы гарантировать Центральной Америке право жить так, чтобы ее населению не нужно было эмигрировать. Долгосрочная и среднесрочная цель заключается в том, чтобы разработать выход из той ситуации несправедливости и неравенства, в которой живут граждане Центральной Америки. Эту задачу невероятно сложно решить, а правящие классы даже и не приступают к ее обсуждению.

Ответ на вопрос, как улучшить ситуацию, для которой характерна такая степень неравенства и несправедливости – является решающим для всей прогрессивной мысли и всех реформаторских действий в Центральной Америке.

Би-Би-Си взяло интервью у двух женщин из Гондураса, которые ехали в Мексику в октябре 2018 года. Они очень красочно описали ситуацию несправедливости и неравенства в стране. Одна из них заявила: «Мне безразлично, помогает ли президент США Гондурасу или нет: я лично не получаю от него никакой помощи». Другая дополнила: «Мы не боимся угроз со стороны Трампа. Мы покидаем свою страну и едем в другое место, потому что нам страшно жить в своей собственной стране». ■

* Эта статья является отредактированным вариантом публикации на испанском языке. См.: www.madrimasd.org. Выражаю благодарность переводчику Мэг Митчелл и моему товарищу Торри Лонергану.

Адрес для связи: Карлос Сандоваль <carlos.sandoval@ucr.ac.cr>

> Беженцы как несвободная рабочая сила: заметки из Турции

Бедиз Йылмаз, Оснабрюкский университет, Германия, Ассоциация Майя – Мерсин, Турция

Дети играют вокруг теплицы, сельскохозяйственная зона Аданальюглу на окраине Мерсина, юг Турции, 2015 г. Фото: А. Онер Курт.

В настоящее время Турция является страной с самым большим числом беженцев в мире. Среди них 3,6 млн сирийцев и 600 000 представителей других национальностей. Турецкие власти с гордостью представляют эту статистику всему миру, многие страны говорят о Турции как модели в отношении к беженцам.

В этой краткой статье я выделю несколько характеристик турецкой модели, приведя в качестве примера ситуацию среднего по численности населения города, где я занималась исследованиями и активизмом, связанными с процессами миграции. Однако сначала я хочу прояснить использование термина «беженцы»: Сирийцы в Турции живут в условиях режима временной защищенности, который был утвержден в отношении Турции Женевской конвенцией 1951 года в связи с географическими ограничениями. Этот статус гарантирует предоставление сирийским беженцам ряда прав, таких, как безусловный доступ к медицинским и образовательным услугам. Однако этот статус не обеспечивает предсказуемость и подтверждение статуса беженца. Таким обра-

зом, данный режим ставит своих бенефициаров в уязвимую неустойчивую позицию, вызванную произвольным характером режима временной защищенности, который в высшей степени зависим от политической конъюнктуры. Называя людей, живущих со статусом временно защищенных, беженцами, я хочу обратить внимание на соответствующие особенности этого режима и подчеркнуть, что его бенефициары живут в целом как беженцы, но соответствующим правовым статусом не обладают.

> Характеристики режима временной защищенности

Судьба сирийцев в Турции обусловлена тем, что они не могут получить в этой стране правовой статус беженцев. Именно это обстоятельство объясняет различия между странами с большим числом беженцев и беженцев. В этой статье я проанализирую основные характеристики занятости беженцев, особенно тех из них, которые работают в сфере сельского хозяйства. Можно с уверенностью сказать, что Турция зависит от труда беженцев. Данные статистики показывают, что в Турции прожива-

>>

ет 3,6 млн сирийцев трудоспособного возраста, из них только 31 000 имеют разрешение на работу, поскольку его очень трудно получить. В результате условия труда беженцев регулируются неформальным образом. В связи с этим я утверждаю, что именно неформальное регулирование занятости характерно для турецкой модели политики беженцев. (Неформальный сегмент рынка труда, по оценкам экспертов, составляет около 50%, в сельском хозяйстве – 85%.) Иными словами, именно высокий уровень неформальной занятости, признаваемой всеми, терпимой властями и выгодной работодателям, позволяет большому числу сирийцев жить и работать в Турции. Эксплуатация труда сирийцев и дискриминация их в повседневной речи стали обыкновением почти для всех членов общества, независимо от их политических предпочтений.

На этом фоне сельское хозяйство выглядит особенным образом. Разрешение на работу, которое трудно получить в других сферах занятости и которое заставляет беженцев работать в условиях экстремального уровня эксплуатации, даже не требуется для того, чтобы устроиться в сельскохозяйственной отрасли, что создает возможности еще большей эксплуатации. В соответствии со ст. 5(4) Постановления о разрешении на работу для иностранцев, находящихся в статусе временно защищенных (2016/8375), иностранцы, занятые в сфере сельского хозяйства и животноводства освобождаются от обязанности приобретать разрешения на работу. Мои наблюдения в Аданалыюгу, сельскохозяйственной области в окрестностях Мерсина, восточно-средиземноморского города в Турции показывают, что занятость беженцев в сельскохозяйственном секторе можно описать как форму несвободного труда. В данном случае я использую понятие современной несвободной рабочей силы, разработанное проф. Николя Филлиппс в публикации 2013 года.

> Беженцы как несвободная рабочая сила

Первое измерение модели несвободной рабочей силы – это неформальный, устный краткосрочный тип трудового контракта, основанный на «долговых отношениях» (*indebtedness*) [...], используемый для того, чтобы дисциплинировать работника и вовлекать его или ее в соответствующие отношения, которыми работодатель может манипулировать таким образом, чтобы максимизировать эксплуатацию работника». В том сельскохозяйственном районе, где проводилось наше исследование, действуют трудовые посредники, которые являются ключевыми фигурами в отношениях сельскохозяйственного производства. Их всемогущая роль становится еще более значимой в условиях найма сирийцев, которые не знают турецкого языка. Посредники получают 10% от поденной оплаты работника. Они выступают как переговорщики в поисках рабочих мест, организации проживания и оплаты труда работников, осуществляют надзор за ведением работ и занимаются решением всех вопросов в отношениях наемного работника с нанимателем. Эти функции делают трудовых мигрантов – беженцев, занятых в сельском хозяйстве, полностью зависимыми от посредников.

Второй особенностью несвободного труда является то, что он «построен не на принуждении при найме, но на препятствиях к расторжению трудовых отношений. Эти условия часто основаны на долговых отношениях и/или откладывании оплаты труда до завершения контракта». В нашем случае оплата труда производится в конце сбора урожая каждого продукта, иногда этот период растягивается на 6–7 месяцев. В период сбора урожая работникам выдают либо немного карманных денег, одалживают деньги или привязывают к местному продуктовому рынку, владельцем которого, как правило, является сам посредник.

В-третьих, нужно иметь в виду, что современные формы несвободного труда обычно не предполагают неоплачиваемой работы и всегда основаны на обмене труда на деньги. Однако, «оплата труда ни в коем случае не представляет собой эквивалент ценности, созданной работником, трудившимся в таких условиях». Наши наблюдения показывают, что оплата труда таких работников ниже, чем установленная цена за такой труд, а иногда им вообще ничего не платят. Но они не могут расторгнуть трудовые отношения, потому что они уже заняли какое-то количество денег на проживание, которые они надеются хотя бы частично возместить.

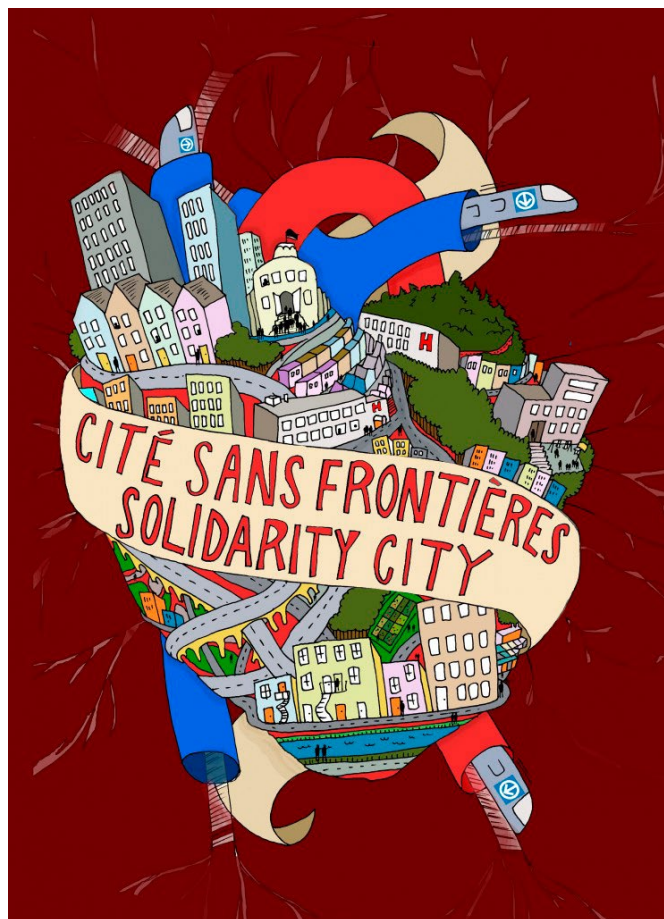
И, наконец, несвободные отношения создаются условиями эксплуатации, которые «ассоциируются с тяжелыми, унижающими человеческое достоинство и опасными условиями труда, не соблюдением трудовых прав (часто и прав человека), формами принуждения и манипулирования, которые делают труд тяжелее и заставляют работников трудиться дольше за меньшую оплату». И действительно, трудовые мигранты – беженцы живут в палатках, построенных на полях, которые они арендуют для этой цели у посредников (работники оплачивают также аренду места в палатке); в палатках отсутствует основная инфраструктура; работники отдельно оплачивают водоснабжение и «незаконно» используют электричество, протягивая провода по этим полям. Посредник принимает решение о месте работы в соответствии со временем урожая отдельных культур; о грядущем переезде на другой объект работники оповещаются всего за несколько дней.

Да, в Турции на самом деле проживает самое большое число беженцев, но эта страна не обеспечивает их достойной жизнью, не предлагает им путь к интеграции, не обещает им будущего. Напротив, модель жизни мигрантов формируется неструктурированными и сиюминутными мерами, которые возникают как реакция на внутренние и внешние политические потребности. Весьма маловероятно, что эта модель предполагает прозрачные и структурированные условия совместного проживания разных народов, населяющих Турцию. Принимая во внимание выше сказанное, мы задаемся вопросом: является ли турецкое правительство надежным, ответственным и подотчетным в вопросах, касающихся мигрантов? Можно ли действительно считать турецкий режим организации жизни трудовых мигрантов – беженцев моделью для подражания? ■

Адрес для связи: Бедиз Йылмаз <bedizyilmaz@yahoo.com>

> Стирание границ в городах солидарности

Сара Шиллигер, Базельский университет, Швейцария

Города всего мира стали пространством борьбы и экспериментов в отношении режимов миграции. В то же время именно в городах наблюдается демократизация городской жизни и развитие права на город, доступного всем. Из архива «Города солидарности».

Пока лидеры ЕС продолжают ужесточать миграционную политику, глядя сквозь пальцы на гибель тысяч людей в Средиземном море и подвергая преследованию тех, кто спасает нуждающихся беженцев, различные европейские города по инициативе муниципальных властей объявляют себя «городами солидарности». Таким образом, города становятся пространством борьбы и экспериментов в отношении будущего миграционных режимов, а также пространством фундаментальной демократизации городской жизни в том смысле, что каждый житель обладает правом на город. Борьба за «городское гражданство» демонстрирует, что города способны бросить вызов не только власти национальных государств очерчивать и поддерживать государственные границы, но и самому фундаментальному значению гражданства.

> Мосты от моря к городам

Одна из серьёзных локальных политических интервенций предполагает создание «города-пристанища». Прогрессивные мэры прибрежных городов Италии (например, Неаполя, Палермо) и Испании (Барселоны) высказываются за то, чтобы открыть порты и принять тех, кто был спасён в море. После того, как несколько сотен людей утонули в пределах прямой видимости от берега Сицилии, Леолука Орландо, мэр Палермо (столицы Сицилии), одним из первых в Европе объявил свой город «городом-пристанищем». Леолука Орландо привлёк к себе внимание всей Европы таким высказыванием: «Если вы спросите, сколько беженцев проживает в Палермо, я не отвечу, 60 000 или 100 000. Я скажу - ни одного. Любой, кто приезжает в Палермо, становится палермцем». Под началом Орландо была разработана «Палермская хартия», согласно которой гражданские права должны быть непосредственно связаны с местом жительства.

Правительства городов Германии также выражают готовность принять беженцев, ищущих безопасный дом. За создание «тихих гаваней» публично высказывались широкие гражданские альянсы, такие как Seebrücke («мост через море» – прим. пер.) и #unteilbar («неразделимые» – прим. пер.): тысячи людей многократно выходили на демонстрации и устраивали творческие акции протеста. Гражданское общество выступает за безопасные пути эвакуации для беженцев, декриминализацию спасения людей на море, а также прямой и гуманный приём беженцев, сходный с немецкой программой релокации.

> Безбоязненный доступ к городской инфраструктуре

Европейское движение «городов солидарности» вдохновляется опытом Северной Америки, в частности, движения «городов-убежищ» (*Sanctuary Cities*), появившегося в 1980-е гг. Основной задачей «городов-убежищ» является защита горожан, объявленных нелегалами. В жизни мигрантов, не имеющих документов, граница воспроизводится на повседневном уровне: когда они идут в школу, попадают в больницу или пользуются общественным транспортом. Те, кто не может доказать, что у них есть нужные документы, лишаются доступа к базовым социальным услугам, могут быть подвергнуты криминализации, арестованы и выслааны из страны.

Чтобы защитить горожан от депортации и обеспечить им доступ к городской инфраструктуре и социальным правам, тестируются различные формы сотрудничества между об-

>>

Флаг сети «Справедливость для мигрантов» (Migrant Justice Network). Фото из архива организации «Трансграничная солидарность».

ществительными движениями и городскими правительствами, которые сотрудничают в своем противостоянии государственным властям и государственной миграционной политике. Принцип «Не спрашивай, не говори» (*Don't Ask Don't Tell*), введенный в Торонто, запрещает городским чиновникам, предоставляющим госуслуги, выяснять миграционный статус клиента («не спрашивай»), а если последний становится известен, то передавать эту информацию другим представителям государства («не говори»). В других городах, например в Нью-Йорке и Сан-Франциско, любой, кто может подтвердить свою личность и факт проживания в городе, имеет право на получение муниципального удостоверения личности, которое обеспечивает горожанам, не имеющим вида на жительство, более безопасную городскую повседневную жизнь и облегчает им доступ к городским ресурсам.

Сейчас активисты движения «Город солидарности» (Solidarity City) добиваются введения городских удостоверений личности (карт *City ID*) по примеру Нью-Йорка в различных немецкоязычных городах (среди них Гамбург, Цюрих, Берн). Городские власти Берна уже выразили согласие, однако всё ещё ведутся переговоры по поводу критериев доступа и конкретного содержания карты-удостоверения.

> Стирание границ

Центральную роль в установлении новых (внутренних) пограничных режимов играют городские власти, поскольку от того, как они интерпретируют государственный закон, зависят развитие и реализация социальных сервисов. Ограничение социальных прав мигрантов с уязвимым статусом представляет собой форму внутреннего миграционного контроля. Однако предоставление нерегулярным мигрантам доступа к социальным услугам на локальном уровне может бросить вызов нынешней концепции государственных границ.

В описанных выше процессах выражается расширение понятия гражданства. Гражданство определяется не только как статус, но и как процесс согласования доступа к правам и пользования этими правами. Данная интерпретация меньше значения придаёт правовым критериям, сосредотачиваясь в большей степени на конкретных социальных отношениях, нормах, практиках солидарности и обсуждении принадлежности к городу. Таким образом, становится всё важнее работать с реальными пространствами, где гражданство реализуется в рамках повседневной жизни и где внутри городских сообществ практикуются новые формы солидарности.

Обсуждаемая здесь проблема связана не столько с миграцией, сколько с неравным распределением социальных

прав и неравным доступом к ресурсам. Новое понимание гражданства позволяет изменить миграционный дискурс, сместившись от нынешнего «императива интеграции» к решению вопросов неравенства и участия мигрантов в жизни общества. Поэтому в центре борьбы за право на город лежит сопротивление джентрификации и коммодификации публичных пространств, коллективное присвоение городской инфраструктуры и отстаивание права на участие в жизни города.

> Конкретная утопия

Все эти инициативы, мобилизующие граждан под лозунгом «города солидарности», объединены призывом к воплощению конкретной утопии. Стремление к конкретной утопии может помочь выйти за рамки политических ограничений, установив связь между миграцией и проблемами социальной политики вместо того, чтобы противопоставлять их.

Кроме того, концепция «города солидарности» позволяет широким группам людей сплотиться в борьбе против бедности, за социальное жильё, за развитие городской инфраструктуры, а также за культурно-демократическое участие. Разные социальные движения, обычно ведущие повседневную борьбу по отдельности друг от друга, могут объединиться, начав с обращения к самым конкретным нуждам и реалиям городского пространства. Как минимум, такая солидаризация сможет привлечь внимание к общему опыту эксплуатации, угнетения и дискриминации, объединяющим разнородный городской прекариат.

Именно такие конкретные инициативы и низовые движения подготавливают базу для определённых политических экспериментов. Для их успешного осуществления необходимо навести мосты между активистами, прогрессивными городскими политиками и местными властями/администрациями. Однако не стоит переоценивать городской уровень влияния: несмотря на пространство для манёвра, города встроены в глобальную структуру власти, и важнейшей территорией политической борьбы по-прежнему остаётся национальное государство.

Наконец, концепция «городов солидарности» включает в себя возможность создать новое понимание принадлежности к городу. Оно не имеет отношения к тому, кто такой мнимый «Другой», как он живёт и как должен жить. Скорее, новый смысл обеспечивает возможность коллективно вообразить новое «мы», возникающее в этом контексте. Давно пришла пора ввести эту поправку на реальность – ведь мы живём в пост-мигрантском обществе, где миграция признаётся как факт. ■

Адрес для связи: Сара Шиллигер <sarah.schilliger@unibas.ch>

> Студенты за будущее: продвижение экологической классовой политики

Юлия Кайзер, Лейпцигский университет, и Яспер Штанге, Университет Гумбольдта, Берлин, Германия

Студенты Лейпцигского университета обсуждают подготовку общего собрания.
Фото: Юлия Кайзер.

Как будет выглядеть наш мир через столетие? Согласно последним исследованиям большая часть населения планеты будет в течение нескольких недель в году подвергаться воздействию тепловых условий, выходящих за пределы нормы выживаемости человека. Процесс высыхания почв охватит более 30% земной поверхности. Более миллиарда человек поменяют среду обитания и покинут тропическую зону. Как недавно заметил немецкий физик Харальд Леш, возможно, что в этом случае человечество должно было бы признать, что оно учится, только переживая катастрофы. Похоже, что мы не заинтересованы в том, чтобы предотвратить эту ситуацию, несмотря на то, что полностью о ней осведомлены.

Однако сегодня во всем мире молодые люди, вдохновлённые еженедельными школьными забастовками Греты Тунберг, с гневом выходят на улицы и требуют изменений в климатической политике. Эти протесты переросли в глобальное движение «Пятницы ради будущего» (*Fridays for Future*, далее *FFF*). Участвуя в еженедельных школьных забастовках, демонстрациях и других формах протеста молодёжь пытается оказать давление на политиков, прежде всего, для того, чтобы заставить их работать над достижением цели, обозначенной Парижским соглашением по климату: ограничить рост температуры величиной в 1,5°C.

В Германии это общественное движение получило широкую поддержку: 55% населения одобряют его деятельность, в разных частях страны открыто более 250 местных отделений. В знак солидарности с протестами школьников создаются такие организации, как «Учёные за будущее» и «Художники за будущее». Расширение социальной базы

движения является одной из его важнейших стратегических целей. Активисты руководствуются следующей логикой: чем масштабнее движение, тем большее давление оно может оказать на тех, кто несет ответственность за происходящее. Движение обращается к каждому, независимо от политической принадлежности, и призывает присоединиться к борьбе с надвигающимся климатическим кризисом - и многие отвечают на этот призыв. Такая стратегическая перспектива контрастирует с основными тенденциями климатического активизма последних десятилетий. Благодаря установке на вовлечение большого количества людей в уличные акции протеста, *FFF* имеет потенциал для осуществления фундаментальных структурных изменений.

В Германии в начале 2019 студенты коллективно присоединились к движению *FFF* года, организовав инициативу «Студенты за будущее» (*Students for Future*, далее *SFF*). Мы считаем, что *SFF* может оказать существенное влияние на политический характер климатического движения, систематически используя классовый подход в организации мажоритарной поддержки. Мы кратко изложим историю *SFF*, а затем проанализируем особенности его подхода к климатической политике. В заключение мы формулируем свои представления о том, как студенты и социальные учёные во всем мире могут поддержать движение против надвигающегося на человечество климатического кризиса.

> Движение «Пятницы ради будущего» завоёвывает университеты

Вслед за стремительным ростом *FFF* весной 2019 года студенты-активисты по всей Германии начали обсуждать,

>>

как привлечь свои университеты к формирующемуся климатическому движению. С самого начала цель состояла в том, чтобы привлечь к акциям как можно больше студентов, проводя открытые встречи под такими лозунгами, как «Действуй сейчас! Давайте привлечём к протесту университет: За справедливость в климатической политике!». Отчасти благодаря значительному влиянию, которое *FFF* уже оказало на публичный дискурс на данном этапе, каждая из открытых встреч привлекала до 300 студентов. В течение нескольких месяцев группы студентов и активистов с различными политическими взглядами организовали общие собрания в более двадцати университетах по всей стране, которые стали крупнейшими политическими мероприятиями в этих университетах за последние годы. В чём секрет такого быстрого успеха?

Поскольку методы, используемые активистами в восточногерманском городе Лейпциге, применяются во многих других городах, мы рассмотрим их в качестве репрезентативного примера. Для того чтобы привлечь как можно больше студентов, активисты Лейпцига обращались к опыту и рекомендациям профсоюзов. При подготовке проведения официального общего собрания была поставлена цель информировать всех остальных учащихся о запланированном мероприятии, чтобы они активно решали, поддержать его или нет. Таким образом, была распространена петиция, в которой выражалась солидарность с *FFF*, и предлагалось провести общее собрание для обсуждения шагов по созданию более устойчивого университета и города. Активисты и сторонники движения распространяли петицию на всех факультетах и в главном кампусе, информировали студентов на лекциях часто при поддержке преподавательского состава. В течение недели 2500 студентов подписали петицию.

На общем собрании после того, как докладчики от университета и профсоюзов подчеркнули взаимосвязь экологической и социальной политики, студенты согласовали список требований. В других городах, таких как Берлин, требования касались не только университетов, но и профсоюзов и городской политики. Профсоюзы были приглашены на «климатические забастовки», а Берлинскому Сенату было настоятельно рекомендовано предпринять шаги по созданию более широкой и бесплатной системы общественного транспорта.

> **Общенациональный обмен и генерализация методов**

Для распространения методов, применяемых активистами в Лейпциге и Берлине, в июне 2019 года была организована общенациональная встреча активистов *SFF* с участием представителей из более 30 городов, на которой обсуждались успешные подходы к мобилизации университетов. Американский организатор профсоюзов писательница Джейн МакАлеви была приглашена для обучения активистов проверенным методам организации и обсуждения перспектив движения за климат. Эта встреча заложила основы общенациональной координации действий студентов, которые активно участвуют в климатическом движении. Вооружённые этими методами, к концу летнего семестра активисты провели общие собрания в четырнадцати городах.

Одновременно студенты стали более активно участвовать в диалогах с профсоюзами, инициированных *FFF*. На сегодняшний день практически каждый крупный профсоюз Германии встречается с активистами *SFF* и *FFF* на национальном и местном уровнях. Такое сближение профсоюзов и общественных движений является достаточно редким для Германии в последние годы. Некоторые отраслевые профсоюзы (например, профсоюз работников общественного транспорта) становятся естественными союзниками климатического движения в связи с их общей повесткой. Например, после переговоров с активистами *FFF* Франк Бсирске, глава профсоюза работников сферы услуг *ver.di*, публично призвал членов своей организации принять участие в проведении всемирной забастовки 20 сентября 2019 года. Даже такие профсоюзы, как влиятельный *IG Metall*, представляющие углеродоёмкие промышленные сектора экономики, вступили в диалог с *FFF*, несмотря на то, что рабочие места в этом секторе будут в наибольшей степени затронуты экологической реструктуризацией экономики. Климатическому движению предстоит решить многие проблемы и ответить на многие вопросы, чтобы создать возможности реального сотрудничества с профсоюзами. Несмотря на это, эти сближения могут проложить путь массовому климатическому движению, достаточно мощному, чтобы вызвать реальные социальные и экологические изменения, о чём мы скажем далее.

> **Новый тип климатического движения?**

Анализ движения «Студенты за будущее» позволяет выделить некоторые характеристики, которые в целом являются достаточно редкими, если не уникальными в движении за справедливость климатической политики.

Во-первых, *SFF* стремится вовлечь в борьбу с климатическим кризисом большую часть общества и в этом отношении оно отличается от других (не менее значимых) форм действий, которые требуют от их участников принятия значительных физических и юридических рисков, таких как захват карьеров или лесов. Такие формы действий, как правило, неизбежно привлекают активистов, которые уже в какой-то степени радикализованы, т.е. представляют ограниченный круг людей, которых Джейн МакАлеви назвала «самоизбранными активистами». В отличие от этого, движение «Пятницы ради будущего» подчеркивает своё стремление предоставить пространство для большинства общества в своих еженедельных «забастовках» и *SFF* разделяет такую установку.

Стратегия привлечения большинства имеет последствия как для работы среди студентов, так и для формирования альянсов с другими участниками. В университетах *SFF* ставит проблему климатического кризиса перед всем студенческим сообществом, а не ограничивается небольшими мероприятиями, ориентированными только на тех, кто уже причастен к климатическому движению. Результатом такого подхода в последние месяцы становится политизация огромного числа молодых людей. Эта стратегия приводит к быстрому развитию навыков и уверенности в ядре активистов: даже те, кто никогда раньше не участвовал в политической жизни, теперь выступают перед сотнями студентов, организуют демонстрации и представляют дви-

жение в профсоюзных обсуждениях. Интересно, что большинство этих активистов - молодые женщины.

Во-вторых, когда речь идет о расширении социальной основы движения за пределы школ и университетов, *SFF* (так же, как и отделения *FFF*) разделяют, по крайней мере, на практике, классовый подход к тому, что на самом деле означает «большинство». Лидеры *FFF* в основном обращаются к политическим партиям, представителям бизнеса и даже к банкам, чтобы заручиться большей поддержкой для движения, а также выражают твердую уверенность в таких институтах, как ЕС, в сфере борьбы с изменением климата. Многие активисты *SFF* относятся к этой стратегии критически. Они стараются привлечь к движению других социальных акторов и создают специальные целевые группы, ориентированные на установление диалога с профсоюзами для привлечения большинства наёмных работников. Такие действия осуществляются не просто для выражения взаимной солидарности, но и для объединения с потенциальными союзниками в тех забастовках, в которых можно использовать экономическую позицию для достижения социальных и экологических улучшений. Работа с профсоюзами мотивирована не только признанием экономической силы организованных рабочих, но представляет собой попытку преодолеть предполагаемое противоречие между интересами глобального климата и наёмных работников, особенно в отраслях промышленности с интенсивным выбросом углерода. Политический центр и правые неумолимо, а часто и успешно, стимулируют этот нарратив, эмоционально воздействуя в особенности на тех, кто непосредственно пострадал от реструктуризации экономики, например, в бывшем горнодобывающем регионе Восточной Германии, Лаузице. Хотя основополагающие проблемы остаются нерешенными, недавние диалоги между активистами *SFF* и профсоюзами показывают, что интересы глобального климата и интересы водителей автобусов, а также сталелитейщиков часто совпадают.

> Перспективы на ближайшее будущее

Две характеристики стратегических перспектив движения «Студенты за будущее» - стремление к активному вовлечению большинства общества в климатическое движение и классовый подход к организации этого большинства - открывают доступ к формам действий, способным стимулировать структурные изменения в направлении более устойчивого общества через самоорганизацию большинства. Например, в Германии предстоящие общенациональные переговоры о заключении коллективных договоров в секторе общественного транспорта могут дать возможность создать коалицию между климатическими активистами, профсоюзами и сообществами. Точно так же, как и в сферах здравоохранения и образования, общественный транспорт не только влияет на антропогенное изменение климата, но и является значимым для социального воспроизводства и благосостояния целых городов и регионов. Исходя из этого, *SFF* может организовать открытые группы в своих кварталах и университетах, которые будут солидаризироваться с работниками, потенциально поддерживая их в забастовках и других акциях. Внешнее политическое давление со стороны социальных движений, таких как *FFF/SFF*, может политизировать процесс коллективных переговоров и подчеркнуть их долго-

срочные последствия для общества. Совместные усилия профсоюзов и массового климатического движения могут привести к улучшению условий труда и более высокой оплате труда работников общественного транспорта, улучшить качество жизни тех, кто его использует, путем расширения и декомодификации городской транспортной инфраструктуры, а также за счет сокращения выбросов углерода за счёт уменьшения пользования индивидуальными автомобилями.

Гегемонистская стратегия ведущих активистов движения «Пятницы ради будущего», направленная на укрепление доверия со стороны политических партий, бизнеса и государственных институтов в целях разрешения надвигающегося климатического кризиса, заходит в тупик. Хотя она способствует быстрому росту Партии зелёных в Германии, а также тому, что тема климатических изменений стала доминирующей в публичном дискурсе в течение нескольких месяцев, тем не менее, она не приводит к осязаемым действиям в направлении экологической реструктуризации немецкой экономики и общества в целом. Ориентация на экологическую классовую политику, предполагающую совместную борьбу профсоюзов и климатических движений за экологическую и социальную трансформацию, может быть выходом из этого стратегического тупика.

> Присоединяйтесь к нам!

Мы считаем, что университеты могут сыграть важную роль в создании широкого, основанного на классовом подходе, глобального климатического движения. Для этого потребуются помощь со стороны студенческого сообщества и критических учёных. Мы ожидаем от них активной поддержки в организации, а также глубокой концептуальной интерпретации причин и возможных решений климатического кризиса. Эти решения находятся не только в сфере компетенции технических или естественных наук; одни только устойчивые технологии не остановят антропогенное изменение климата. Вся наша экономика и общество должны быть реструктурированы. Каким образом и каковы будут последствия - это важнейшие вопросы, на которые должны ответить социальные учёные.

Если говорить более конкретно, то мы призываем: студенты, присоединяйтесь к климатическому движению! Учёные, приведите свои исследования в соответствие с актуальными вопросами, стоящими перед человечеством, и сделайте свои результаты общедоступными! И наконец, работайте с нами, чтобы усилить движение. В настоящее время «Студенты за будущее» обсуждают возможность недельной студенческой климатической забастовки. На одну неделю мы могли бы открыть университеты для общественности, организовать лекции и дискуссии, посвящённые климатическому кризису и возможным путям его решения. Конференция Немецких ректоров (HRK) определяет роль университетов как «центров демократической культуры, способствующих продуктивным дискуссиям о преодолении главных проблем общества». В свете нынешней мировой ситуации и ближайшего будущего мы считаем, что пришло время исполнить эту роль. ■

Адреса для связи:
Юлия Кайзер <julaidakaiser@gmail.com>
Яспер Штанге <jasper.stange@hotmail.de>

> Частное католическое образование в Сенегале

Мустафа Тамба, Университет Шейха Анты Диопа, Дакар, Сенегал

Частное католическое образование в Сенегале остаётся значимым и сегодня. В 1816 году колониальная администрация доверила обучение французскому языку Церкви, в частности таким конгрегациям, как Сёстры святого Иосифа Клуни, Братья Плоэрмеля, Миссионеры Святого Духа, Сёстры Непорочного Зачатия Кастра и Дочери Святого Сердца Марии. В двадцатом веке после Второй мировой войны развитие католического образования сделало решительный шаг вперед под влиянием монсеньора Марселя Лефевра, апостолического викария с 1946 по 1960 г. Появились и другие конгрегации, такие как Братья святого Гавриила, Братья Святого Сердца, Сёстры-урсулинки, Сестры Святого Чарльза из Анже и Малые братья Марии.

В 1960 г. Сенегал обрёл независимость, а в 1970 году Церковь делегировала преподавание Национальному управлению католического образования. В 1976 г. была созда-

на национальная координационная структура, на смену которой сегодня пришёл Национальный секретариат. С 2003 г. частное католическое образование существует в форме ассоциации под названием *Office national de l'enseignement catholique du Sénégal* (Национальное управление католического образования Сенегала).

Тем не менее, осуществляется децентрализация частного католического образования через создание епархиальных управлений. Существует семь епархий, каждая из которых имеет своё *Direction diocésaine de l'enseignement catholique* (епархиальное управление католического образования, далее *Dided*). На основе делегирования полномочий от епархиального епископа глава епархиального управления по образованию отвечает за все католические школы в диоцезе.

Для проведения исследования и сбора количественных данных мы обратились к ответственным за ка-

толическое частное образование, в частности к руководителю епархиального управления католического образования архидиоцеза Дакара и секретарю Национального управления католического образования Сенегала. Оба офиса расположены в районе СИКАП Баобаб (*S.I.C.A.P. Baobabs district*) Дакара напротив церкви Святого Петра, где мы провели исследование архивных документов. Его результаты представлены в виде перекрёстных таблиц или таблиц с двумя входами.

Таблица 1 показывает, что на один только архидиоцез Дакара приходится 50% общего числа школ. Он состоит из двух апостолических областей, первая из которых включает в себя округ Дакар-Плато (*Le Plateau*), Гран Йофф (*Grand Dakar-Yoff*) и Les Niayes, а вторая – Сине (*Sine*) и Петит-Кот (*Petite Côte*). В целом архидиоцез включает в себя 41 приход. Епархии Тиес (*Thiès*) и Зигиншор (*Ziguinchor*) представляют 16% и 11% образовательных учреждений соответственно. В епархиях Кольда (*Kolda*) и Тамба-

Таблица 1. Распределение католических школ по уровню образования в 2018–2019 гг.

ДИОЦЕЗ	УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ					ИТОГО	%
	Дошкольное	Начальное	Вторая ступень	Среднее			
Дакар	58	54	23	14	149	48,5%	
Тиес	22	24	3	1	50	16%	
Каолак	12	13	2	1	28	9%	
Зигиншор	11	15	8	1	35	11%	
Сен-Луи	8	6	3	1	18	6%	
Кольда	6	6	3	1	16	5%	
Тамбакунда	4	5	1	1	11	4,5%	
ИТОГО	121	123	43	20	307	100%	

Источник: Национальный центр католического образования Сенегала, март 2019 г.

>>

Таблица 2. Распределение учащихся частных католических школ по уровню образования в 2018–2019 гг.

ДИОЦЕЗ	УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ					
	Дошкольное	Начальное	Вторая ступень	Среднее	ИТОГО	%
Дакар	6 442	36 304	16 467	6 696	65 909	57%
Зигиншор	2 268	5 735	1 856	491	10 350	9%
Тиес	1 983	11 080	2 665	836	16 564	14%
Каолак	1 441	5 326	733	248	7 748	7%
Сен-Луи	970	3 519	1 212	262	5 963	5%
Кольда	656	3 465	958	245	5 324	4,5%
Тамбакунда	417	2 630	479	143	3 669	3,5%
ИТОГО	14 177	68 059	24 370	8 921	115 527	100%

Источник: Национальный центр католического образования Сенегала, март 2019 г.

кунда (*Tambacounda*) их меньше.

Лидирующую позицию занимает Дакарский архидиоцез, представляя 57% общей численности студентов. Согласно статистическим данным *Dides*, в городской местности, особенно в Дакаре и его пригородах, в начальной школе обучается в общей сложности 25 360 учеников, а в сельской местности (*Petite Côte* и *Sine*) – 10 944 ученика. Архидиоцез также лидирует и по показателям среднего образования: 14 002 и 2465 учащихся в 2018–2019 годах в городских и сельских районах соответственно. Таким образом, в среднем образовании архидиоцез остаётся на первом месте с 75% об-

щего числа учащихся в частном секторе. Колледж Сакре-Кёр является крупнейшей частной католической школой с 1059 учащихся в 2018-19 годах.

Более того, согласно данным *Dides* Дакарского архидиоцеза, на всех образовательных уровнях больше учеников-мусульман, чем католиков. Например, в начальной школе в 2018–2019 годах 72% учеников составляют мусульмане, 26% – католики и 2% – представители других конфессий, что свидетельствует о существовании межрелигиозного диалога между сенегальцами.

В заключение можно сказать, что распространение частного католи-

ческого образования исторически опережает государственное и светское образование. В девятнадцатом веке оно уже присутствовало в четырех муниципалитетах - Сен-Луи (*Saint Louis*), Горе (*Gorée*), Дакар и Рюфиск (*Rufisque*). Сейчас его можно найти в любой части Сенегала, хотя большая часть инфраструктуры и учащихся находятся в Дакарском архидиоцезе, который включает в себя все приходы Дакара, Петит-Кот и Сине. Ещё один интересный факт заключается в том, что большинство учащихся в частном католическом секторе образования являются мусульманами, а не католиками. ■

Адрес для связи: Мустафа Тамба
<moustapha.tamba@ucad.edu.sn>

> СОЦИОЛОГИЯ

сенегальской школьной системы

Сулейман Гомис, Университет Шейха Анты Диопа, Дакар, Сенегал

Иллюстрация Арбу.

Размышление о социологическом измерении сенегальской системы образования даёт возможность для её всестороннего и систематического анализа, цель которого состоит в том, чтобы показать сильные и слабые стороны её структуры и функционирования от колониальной эпохи до наших дней и определить перспективы. Стоит отметить, что Сенегал является одной из

немногих стран Африки с давней образовательной традицией. Действительно, задолго до установления контакта с Европой в период исламизации Чёрного континента в Сенегале были организованы крупные центры изучения Корана.

Известные исторические и религиозные деятели, такие как Эль-Хаджи Малик Си, шейх Ахмаду Бамба и шейх Ибра Ниасс помогли распространить кораническое образование по всему Сенегалу и за его пределами. Арабоязычная образовательная традиция сенегальцев сыграла важную роль в сопротивлении французскому вторжению. Однако французским колонистам фактически удалось ею воспользоваться для продвижения колониальной школьной системы. В 1960 году, когда Сенегал обрёл независимость, франкоязычная школьная система, унаследованная от колонизаторов, была сохранена как инструмент строительства национального государства. Французский язык был поддержан новыми властями как официальный язык страны.

Тем не менее, сегодня по-прежнему постоянно ведутся дебаты о том, являются ли сенегальцы полноправными участниками своей системы образования. Сенегальский народ по-прежнему считает себя просто пользователями этой школьной системы, что подтверждает существование проблемы внедрения в школе национальных языков для развития двуязычного образования.

> Генезис школьной системы в Сенегале

Первая франкоязычная школа в Чёрной Африке была создана

>>

в 1817 году в Сент-Луисе (Сенегал), молодым 27-летним учителем французского языка по имени Жан Дард. Впоследствии были открыты и другие школы, сначала в прибрежных городах и посёлках, а затем во внутренних населённых пунктах. Развитие школьной системы в остальной части страны активно продвигалось колониальной политикой с целью облегчения коммерческих и политических обменов.

Как и в большинстве бывших колоний Африки, в Сенегале происходила франкофонизация учебных программ вплоть до 1960 г., когда страна обрела независимость. Затем с 1970-х гг. насаждалась африканизация и, наконец, в 1990 г. – национализация. Однако, несмотря на эту эволюцию, школьная система Сенегала остаётся структурно и функционально построена по прежнему французскому колониальному образцу. Обучение обязательно и бесплатно для всех девочек и мальчиков в возрасте от шести до шестнадцати лет.

По стандартам ЮНЕСКО 2% населения любой страны должно иметь высшее образование. Учитывая, что нынешнее население Сенегала оценивается в 15 миллионов, в стране должно быть около 300 000 студентов, получающих высшее образование, но их фактическое число в частных и государственных высших учебных заведениях – 150 000 человек. Другой не менее важной проблемой является несоответствие между учебными планами и ожиданиями народов Сенегала.

> Сильные и слабые стороны

Система государственного школьного образования в Сенегале по общему признанию является моделью успеха: в областях науки, медицины, права, литературы и экономики она подготовила таких известных личностей, как Леопольд Седар Сенгор в литературе и Шейх Анта Диоп в истории и физике, чьи работы оставили свой след в современной мировой истории. Одна из сильных сторон школьной системы Сенегала заключается в качестве подготовки преподавателей. Готовность и решимость государства поддерживать школу и систему высшего образования также заслуживают внимания, равно как и участие и инвестиции семей. Люди могут свободно вносить вклад в финансирование обучения своих детей.

Однако следует отметить, что ни государство, ни учителя, ни профсоюзы учителей, ни технические и финансовые партнёры не рассматривают возможность вовлечения родителей в процесс разработки школьной программы. Роль граждан сводится к роли потребителей школьной системы и её услуг.

Сенегальская система образования сталкивается с множеством различных ограничений на политическом, психологическом, инфраструктурном, программном, материальном, финансовом и человеческом уровнях. Например, Сенегал не является полностью автономным в определении своего видения и ориентации образовательной по-

литики: существуют технические и финансовые ограничения, устанавливаемые такими партнерами, как Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд.

С точки зрения психологии мы считаем, что школьная система ещё недостаточно интегрирована в сознание людей, несмотря на её давнее присутствие в Сенегале и обязательный характер, начиная с раннего возраста. Школа по-прежнему воспринимается сенегальцами как инструмент колонизации, унаследованный от французов, который не может быть полностью ассимилирован.

На программном уровне содержание образования всегда остаётся связанным с моделью французской учебной программы с небольшими вариациями по некоторым предметам. Новые учебные программы, хотя они разработаны и преподаются гражданами Сенегала, в действительности не отражают местные культурные реалии, а воспроизводят колониальные образцы.

На материальном уровне школьная система Сенегала страдает от хронической нехватки ресурсов. Классные комнаты во временных убежищах характерны для всех уровней образовательной системы: от начального до высшего.

Несмотря на существенные трудности можно утверждать, что система школьного образования в Сенегале является хорошей. ■

Адрес для связи: Сулейман Гомис
<Souleymane.gomis@ucad.edu.sn>

> Стратегические изменения в системе франко-арабского образования Сенегала

Эль Хаджи Малик Си Камара, Университет им. Шейха Анты Диопа, Дакар, Сенегал

Система начального образования Сенегала обучает грамоте на арабском и французском языках. Фото: Global Partnership of Education/flickr. Некоторые права сохранены.

С утверждением ислама всё больше домохозяйств в Сенегале осваивают арабский язык. Действительно, арабский язык имеет первостепенное значение для населения, 95% которого составляют мусульмане, и высоко ценится, как представляется, ещё и потому, что именно на арабском языке был явлен Коран. По сути, человек с глубоким знанием Корана считается образованным и хорошим мусульманином. Однако с самого начала колонизации в Сенегале была введена франкоязычная система образования.

Существование двух систем образования на практике оказалось весьма затруднительным. Для удовлетворения потребностей значительной части населения частные и государственные франко-арабские школы предлагают двойное образование на французском и арабском

языках. В действительности ислам является неотъемлемой частью жизни сенегальского народа, поскольку он выходит за рамки этнических и региональных особенностей и упорядочивает жизнь людей вне зависимости от их социального происхождения, уровня образования, а также культурного или географического бэкграунда.

На основе анализа литературы в данной статье демонстрируется, как народы Сенегала используют франко-арабское образование в качестве возможности для компенсации недостатков колониального управления.

> Модели обучения во франко-арабских школах

Можно выделить как минимум две категории франко-арабских школ: те, которые характеризуются силь-

>>

ным доминированием исламской учебной программы (Коран, фикх, Сунна и т. д.); и те, которые характеризуются большим или меньшим балансом между французским и арабо-исламским образованием. Сегодня владельцы франко-арабских школ вкладывают большие средства в дошкольное и начальное образование.

В первой категории франко-арабских школ в течение первых двух лет обучения в начальной школе основное внимание уделяется освоению грамотности на арабском языке и изучению Корана и хадисов. Занятия французским языком ограничиваются знакомством с алфавитом и развитием навыков общения. Предполагается, что в течение этих двух лет студенты запомнят как можно больше сур из Корана, но, начиная с третьего года, ожидается, что они «догонят» учебные программы первого, второго и третьего курса. В последнем (шестом) классе начальной школы учащиеся должны сдать экзамены на французском и арабском языках, чтобы получить аттестат об окончании школы на обоих языках (свидетельство национальной учебной программы и свидетельство об окончании арабо-исламской программы обучения).

Вторая категория франко-арабских школ стремится к балансу между светским государственным и арабо-мусульманским образованием. Движения «Аль-Фалак» (*Al Falaq*) и *Jama'atou Ibadou Rahmane* (далее *JIR*) вносят значительный вклад в развитие франко-арабского образования, при котором французский является официальным языком обучения. Эти инициативы практически полностью игнорируются государством.

Такой вариант сочетания или, по крайней мере, баланса арабо-исламского и светского государственного образования ориентирован главным образом на формирование и/или обучение будущих граждан, исповедующих (исламские) религиозные ценности, но также стремя-

щихся освоить тот объем знаний, который преподается учащимся государственных школ. Например, именно эта система была выбрана школой Bilal по изучению Корана, созданной движением *JIR*¹. Однако помимо этой школы, которая предлагает только начальное образование, *JIR* открыло среднюю школу, которая, хотя и предназначалась для приема выпускников школы *Bilal*, не встретила одобрения родителей, которые хотели, чтобы их дети продолжали обучение по программе светского государственного образования. В школах *JIR* в каждом классе есть два учителя по всем предметам, то есть учитель, говорящий по-французски, и учитель, говорящий по-арабски. Кроме того, *JIR* помогает многим учреждениям в подготовке учителей и программных исследованиях. Действительно, в школе *El Hadji Omar Tall* арабо-исламская образовательная программа значительно превосходит светскую государственную учебную программу. Хотя некоторые родители предпочитают арабо-исламское образование, следование этой модели обучения во многих отношениях было формой исключения для учеников. Тем не менее, следует отметить, что, поскольку *École Normale Supérieure* (переименованная в *FASTEF*²) обеспечивает подготовку выпускников на арабском языке, больше не существует различий в оплате труда между учителями арабского языка и другими учителями (Thierno Ka, Alioune Diop, Djim Dramé, 2013).

> Франко-арабские школы: утверждение двойной идентичности

Хотя притязание на культурное гражданство (или на новые формы гражданства) первоначально выдвигалось так называемой «контрэлитой», состоящей из образованных арабоязычных граждан, в настоящее время оно все больше выражено у новой франкоязычной мусульманской элиты, получившей образование в светских учреждени-

ях (Camara 2016). Эта двойная идентичность позволяет её носителям избегать позиции «граждан второго сорта» и заявить о своём национальном гражданстве. Их притязание, хотя и критическое по отношению к государству и его светским институтам, не выходит за пределы существующих институциональных рамок и государственного контроля. Напротив, защищая свои гражданские и политические права, эти мусульманские граждане склонны принимать правила демократической игры, чтобы продвигать свой проект «исламского общества» и бросать вызов гегемонии прозападных и светских элит, которые правят Сенегалом с момента обретения им независимости.

> Заключение

Франко-арабские школы сейчас прочно укоренились в Сенегале, особенно в городских центрах. Выпускники арабо-исламских школ, которые называют себя «арабистами» (*arabisants*), давно страдают от недостатка карьерных возможностей. Высокие баллы, получаемые в настоящее время выпускниками франко-арабских школ на национальных экзаменах (*BFEM*, бакалавриат), в конечном итоге способствуют тому, что сенегальское общественное мнение и государство рассматривают их как реальный актив для страны. Эти акторы, большинство из которых активно участвуют в сенегальском исламском движении, способны переквалифицировать западную перспективу, используя франко-арабские школы в качестве ключевого инструмента для формирования идентичности. ■

1. Некоторые выпускники этой школы сегодня являются государственными чиновниками высокого ранга, а другие – учителями в системах среднего и высшего образования.

2. *Faculté des Sciences et Technologies de l'Éducation et de la Formation*.

Адрес для связи: Эль Хаджи Малик Си Камара
<asmalick20031@gmail.com>

> Светское частное образование в Сенегале

Самба Диуф, Университет Шейха Анты Диопа в Дакаре, Сенегал

Образовательные системы в странах Глобального Юга несут на себе двойную печать традиционных структур и колонизации. Модель образования, экспортированная из Европы, конечно, была введена не на девственной африканской территории. Она была освоена уникальным образом теми, кто считал необходимым адаптировать ее к специфическому контексту и теми, кто стал проводить ее в жизнь. Трансляция на местную почву привела не только к попранию одного из основных принципов западного образования, но также означала приспособление других принципов к моделям принимающей культуры (Charlier 2002). В результате кажущееся превосходство школьной модели колонизаторов не может ввести в заблуждение. Люди описывают эту модель среднего образования как «западную», «французскую», «формальную» или «современную». Тем самым они подчеркивают ее чуждость своей культуре и выражают уважение в ее адрес, обусловленное исключительно тем, что она дает им доступ к материальным благам, ассоциированным с западной модерностью. Эта форма условной поддержки оставляет пространство для традиционных образовательных укладов: в Сенегале всегда сохранялись школы Корана, которые постоянно приспособлялись к новым условиям, вызванным социальными изменениями. Государственная школа вовсе не разрушила эти старые институты социализации, но стала их дополнением, предлагая свои собственные критерии установления иерархии людей и знания¹.

В Сенегале частные школы пользуются хорошей репутацией. Родители считают их более стабильными, чем государственные школы, поскольку учителя в них не бастуют. Фото: Алан Левин/flickr. Некоторые права сохранены.

>>

Независимость от колониального правления заставила Сенегал четко сформулировать свое видение природы и формы отношений между разными акторами, вовлеченными в формирование новых поколений. Так, статья Конституции 1963 года утверждает, что «Республика является светским, демократическим и социальным государством. [...] Каждый гражданин имеет право на образование. [...] Образование молодежи осуществляется в государственных школах. Религиозные организации и сообщества также считаются институтами образования. [...] Частные школы могут работать с разрешения и при контроле государства. [...] Религиозные учреждения и сообщества [...] освобождены от государственного контроля». Светская Республика Сенегал, таким образом, освободила от надзора религиозные организации и сообщества, которые она, тем не менее, признает «институтами образования». Иными словами, надзор над образованием описан лишь как удаленная цель, и постепенно сводится на нет: в 1996 году был принят закон, передающий компетенции регионам, муниципалитетам и сельским сообществам, что частично перераспределяет ответственность за образование, переноса ее на субгосударственный уровень. Конституция 2001 года прояснила роль каждой структуры в системе образования. Государство «берет на себя обязанность и несет ответственность за образование и профессиональную подготовку молодых людей в государственных школах. Все дети [...] имеют право посещать школу. [...] Все национальные учреждения, как государственные, так и частные, обязаны обеспечить грамотность своих членов и принять участие в обеспечении грамотности населения на одном из национальных языках».

Таким образом, провозглашается государственная ответственность за образование и подчеркивается роль субгосударственных и частных организаций в обеспечении грамотности населения.

> Светские частные школы

Частное нерелигиозное образование возникло в Сенегале в 1980-е годы. Частные светские школы создаются индивидуальными промоутерами, которые берут на себя ответственность за административное, финансовое и педагогическое управление. В отличие от частных католических школ работа светских частных школ не контролируется каким-то общим управлением, хотя все они, как все частные школы, подотчетны Общему отделу частного образования, который является подразделением Министерства народного образования.

Начиная с 2000-х годов, светские частные школы становятся все более успешными и получают массовое распространение. Хотя спрос на их услуги гораздо выше, чем на другие школы, они часто сталкиваются с проблемами, которые препятствуют их нормальному функционированию. К ним относятся задержки оплаты труда учителей; оклады, ниже минимального размера заработной платы; неоплата аренды помещения. Все это может приводить к закрытию частных школ их владельцами.

> Отношение родителей к светскому частному образованию

Необходимо отметить, что экспансия частных школ и число детей, обучающихся в этих школах, являются показателями того, что частное образование занимает важное место в структуре образовательных услуг

Дакара. Данные исследования показывают, что основным мотивом выбора родителями этой опции образования для своих детей является представление о стабильности частного сектора. Показателями такой стабильности для них являются отсутствие забастовок и других протестных действий, организованных профсоюзами, то есть всех тех сбоев работы, которые характерны для современного государственного образования. Один из респондентов отметил, что «случаи насилия и детской преступности в некоторых государственных школах влияют на решение родителей обучать детей в частных школах». Тридцативосьмилетняя домохозяйка считает, что «если сегодня ребенок не добивается успеха в частной школе, значит, ему не нравится учиться. В частной школе нет забастовок, там хватает учителей, и родители много инвестируют в образование детей». Интересно отметить, что родители охотно обсуждают стабильность частных школ по сравнению с государственными и меньше внимания уделяют различиям в качестве образования в этих учреждениях. С их точки зрения, стабильность школы является основным фактором успеха, и любой ученик частной школы может добиться успеха в образовании.

Общественное восприятие светского частного образования показывает, что большинство родителей выбирают частные школы из-за их стабильности. Эти школы высоко оцениваются людьми из-за хорошего качества образования, но – что гораздо важнее – из-за их стабильности. ■

1. См. Suzie Guth, Éric Lanoue (eds.), *Écoles publiques, Écoles privées au "Sud": usages pluriels, frontières incertaines, Cahiers de la recherche sur l'éducation et les savoirs*, 3, 2004.

Адрес для связи: Самба Диуф
<bathie78@yahoo.fr>

> Социальная антропология религиозного лидерства в Сенегале

Мухамед Мустафа Дийе, Университет Шейха Анты Диопа, Дакар, Сенегал

Мечеть божественности, Дакар (Сенегал).
Фото: Валентина Буж/flickr. Некоторые
права сохранены.

> Наследие религиозного лидерства

С самого начала Сенегал был центром различных обменов между Европой, Африкой и Америкой, что в некоторой степени объясняет открытость сенегальцев, их гостеприимство и толерантные отношения между мусульманами и христианами. Социокультурные ценности сенегальцев опираются на три культурных источника: это глубоко укоренившиеся культурные традиции ислама и христианства, и современность в западном стиле. Из этих трёх источников ислам является наиболее влиятельным фактором. 95% сенегальцев - мусульмане и большинство из них принадлежат к религиозным братствам, которые выступают реальными социальными регуляторами: 49% принадлежит

к тарикату Тиджания, 35% - к тарикату Муридия, 7% - к тарикату Кадирия и 5% - к тарикату Лайен.

Политическая и религиозная история Сенегала показывает, что именно благодаря исламу появились литературно образованные люди и лидеры, которые смогли достичь и поддерживать социальное равновесие в стране. Они оказали глубокое влияние на развитие Сенегала и его народа. Деятельность таких религиозных лидеров, как Эль-Хадж Омар Талл в Фута-Торо, известный лидер революции диула - Самори Туре, Маба Диахоу Ба и Тьерно Сулейман Баала, которые возглавили революцию Торобе в Фута-Торо против империи Сонгай Коли Тенгуэлла, останутся в исторической памяти сенегальцев. Сила их лидерства проистекает из объединения ислама и «старой» традиции африканской де-

>>

мократии, основой которой является недоверие к власти и вера в то, что её расширение и всемогущество должны быть ограничены. Зная о пагубных последствиях любого абсолютизма, традиционные африканские общества часто препятствуют тому, чтобы их лидеры «играли в вождя», и делают всё возможное, чтобы обеспечить подлинное лидерство и не допустить проявлений абсолютизма.

В общине народа волоф на торжественной инаугурации короля вождь обязуется действовать в соответствии с традицией и работать на благо всех. Например, в Ваало (Империя Волоф) представитель аристократии предупредил *Brak* (короля), который только что был избран, сказав ему: «Если вы отклонитесь от принятого отношения к своим подданным, вы отдадите нам всю свою жизнь. Если вы будете идти против течения, Вы навлекёте недовольство своих избирателей и неизбежную ненависть своего народа». Это недоверие власти можно обнаружить в известной поговорке волоф, которая напоминает королю о его обязанностях по отношению к людям: «*Vuur du mbokk*» или «царь – это не родитель». По аналогии мы можем вспомнить, что в исламе с того момента, как человек приходит к вере, он отвергает любую зависимость или преданность другому человеку. Поэтому в исламе нет духовенства, люди дают клятву послушания главе-руководителю, обязательно ориентируясь на уважение к исламским принципам, соответствующим упомянутым выше традиционным ценностям. Тьерно Сулейман Баал, военачальник восемнадцатого века и мусульманский ученый из Футы, хорошо понимал, что значит быть символом настоящего лидерства, и его пример до сих пор вдохновляет многие религиозные или гражданские движения в Сенегале. Он сказал:

«Выбирайте руководителя на основании следующих принципов:

- выбирайте мудрого, набожного и честного человека, который не мо-

нополизирует богатства этого мира ради собственной выгоды или выгоды своих детей;

- смещайте любого имама, чье богатство растёт, и конфискуйте всё его имущество;
- следите за тем, чтобы имамат не превратился в наследственную монархию, в которой сыновья наследуют власть от своих отцов;
- боритесь с ним и изгоните его, если он упорствует;
- имама можно выбрать в любом племени;
- всегда выбирайте мудрого и трудолюбивого человека;
- никогда не ограничивайте выбор одним и тем же племенем;
- всегда основывайтесь на критерии потенциала».

> Ценности, структурирующие значение руководства

Религиозный лидер должен быть человеком, сформированным ценностями справедливости, бескорыстия и честности, чьи решения всегда выходят за рамки личных интересов и мотивов. Обладая сильной приверженностью этим ценностям и чувством долга перед сверстниками, он должен сохранять веру, порядочность и объективность везде и всегда при любых обстоятельствах. Два религиозных руководителя в новейшей истории являются примером такого лидерства: Серинье Абду Азиз Си Дабах, третий калиф Сенегальской общины Тиджане, правивший с 1957 по 1997 гг., и Серинье Салиу Мбаке, пятый мурийский халиф. Первый, не колеблясь, сказал своим ученикам: «Если вы видите, что я делаю вещи, которые не соответствуют тому, что я говорю и советую вам, пожалуйста, дайте мне знать об этом и верните меня к порядку, или я никогда не прошу вас, а при необходимости отдели-те себя от своей общины».

Помимо создания общего видения и морального кодекса, сила лидера заключается в его способности при-менять к себе те правила, которые он

предписывает другим. Руководитель общины должен уважать моральные ценности, являющиеся составляющими антропологической модели *nit ku baax* (добродетельного человека), что подразумевает *nit ku am jom* (чувство чести), *nit ku am Kersa* (сдержанность, следование правилам порядочности), *nit ku jub* (праведное поведение), *nit ku am diné* (искреннюю веру), *nit ku doylu* (соблюдение нормы жизни трезвенника), *nit ku am kadu* (верность слову) и «*it ku goré*» (репутация достойного человека). Среди этих ценностей «*jom*» - понятие чести - имеет особое значение, потому что оно включает в себя различные коннотации: ответственность, собственно чувство чести и достоинства, *Warugal* (чувство долга), усердие, альтруизм, смелость, осознанность и осознание своей ценности. Лидер народа волоф должен воплощать все ценности, которые объединяются в понятие *jom* - ценности, несовместимые с ленью, трусостью, отсутствием совести и ложью.

Отвращение сенегальцев к несоответствию слова и дела прекрасно иллюстрируется двумя примерами политических лидеров, которые отменили свои прежние обещания. Бывший президент Абдулай Уэйд совершил «*Wakh wakheet*» («я сказал, что я беру свои слова обратно»), отказавшись от своих слов о том, что он не будет баллотироваться на третий срок на президентских выборах 2012 года. Маки Салл - нынешний президент, пришедший после Уэйду, в свою очередь, тоже совершил «*Wakh wakheet*», отменив свое обещание сократить срок президентского правления с семи до пяти лет. Знаменитая поговорка «*gor sa waxja*» (благородство определяется верностью своему слову) отражает значимость, которую сенегальцы придают своим словам, и используется для критики этих президентов. ■

Адрес для связи: Мухамед Мустафа Дийе
<mouhamed.dieye@gmail.com>

> Права женщин в повседневной практике

Бенджи Сюллю, Центр аспирантуры, Городской университет Нью-Йорка, США¹

Торжественное открытие 63-й сессии Комиссии ООН по положению женщин. Архив: UN Women/flickr. Некоторые права сохранены.

Главная тема 63-ей сессии Комиссии по положению женщин ООН (КПЖ63) сформулирована следующим образом: «Системы социальной защиты, доступ к государственным услугам и устойчивая инфраструктура для обеспечения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин и девочек». Сессия проходила в Центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке с 11 по 22 марта 2019 г. В ходе различных мероприятий и панельных дискуссий рассматривалось множество аспектов продвижения и защиты социальных, экономических, культурных и политических прав женщин и девочек в локальной, национальной и глобальной перспективе, во взаимосвязи с задачами в области устойчивого развития. Важным фокусом сессии стала *реализация защиты и льгот для женщин*: несмотря на растущее осознание положения женщин мира и широкий консенсус относительно данного вопроса, всё ещё далёк тот день, когда женщины и девочки во всех странах мира будут полноценно участвовать в жизни общества и добиваться успеха.

>>

Пленарное заседание 63-й сессии Комиссии ООН по положению женщин. Архив: Africa Renewal/flickr. Некоторые права сохранены.

В рамках сессии был организован День консультаций – информационно-мобилизационное мероприятие для НКО, имеющих консультативный статус при ООН. В ходе Дня консультаций председатель Комиссии (и постоянный представитель Ирландии при ООН) Джеральдина Бёрн Нейсон обратила внимание на расхождение между признанием женщин как субъектов рамки прав человека и реальными возможностями доступа женщин к экономическим, социальным и образовательным ресурсам, позволяющим им принимать полноценное участие в жизни. Необходимо работать над тем, чтобы преодолеть разрыв между риторикой признания и развития прав женщин и реальным их положением. Необходимо вводить профилактические меры и программы, нацеленные на искоренение гендерного неравенства на локальном уровне и в повседневной жизни. Такие программы должны быть основаны на принципах инновации, исповедовать системный подход, иметь устойчивый характер, учитывать культурные особенности и быть гендерно ориентированными. Нужно видеть связь между уровнем политического представительства женщин и их участием в образовательной, экономической и социальной публичной жизни. Публичное участие женщин способствует производству знаний, практик и политических мер, основанных на женском опыте, женских точках зрения, женских идеях и мнениях. Нам также необходимо признать, что гендерная дискриминация существует во множестве форм, охватывающих различные расы, классы, национальные идентичности, религиозные конфессии, географические территории, сферы занятости и, как говорит П. Х. Коллинз, многие другие «взаимосвязанные системы угнетения». Так мы сможем лучше понять, какую форму гендерное неравенство принимает в том или ином контексте.

Итак, чтобы наиболее эффективно и необратимым образом достичь гендерного равенства, нужно скоординировать политические меры с практикой и интерсекциональным видением. Лучшая иллюстрация необходимости такого подхода – проблемы домашнего насилия в отношении женщин, безопасности женщин в публичных пространствах и образовательной обстановке, отчуждения женщин от экономических благ, социальных и политических возможностей путём заключения

под стражу, а также неравное распределение неоплачиваемого труда заботы и семейных обязанностей при возвращении женщин в состав рабочей силы. Данные проблемы обсуждались на сессии КПЖ63 в ходе панельных дискуссий, организованных при содействии МСА². Было продемонстрировано, что таким системам, как образование, уход за ребёнком, уголовное правосудие, трудоустройство, а также городская жилищная и транспортная политика, необходимо взаимодействовать, чтобы обеспечить возможности экономического, социального, культурного и политического участия женщин. Была также проиллюстрирована необходимость инновативного мышления, эффективной реализации инициатив и контроля исполнения законов.

С домашним насилием в отношении женщин, к примеру, часто сложно бороться, так как эта проблема остаётся в рамках приватной сферы и воспринимается как внутрисемейная, относящаяся к частной жизни. Осведомлённость женщин о службах помощи не обязательно помогает им преодолеть множественные барьеры, обусловленные домашним насилием, такие как ограниченный доступ к возможностям трудоустройства, независимое безопасное жильё, бесплатный или недорогой уход за ребёнком, а также доступ к службам помощи и психологическому консультированию.

Домашнее насилие – это одна из форм нарушения прав женщин, демонстрирующая, что недостаточно принять закон о защите женщин, не обеспечив должный контроль его исполнения. Другая подобная проблема – безопасность женщин в общественных местах. Д-р Джеки Себир в панельном докладе «Доступ к правосудию для женщин и девочек: роль женщин в правоприменении и поддержании мира» (*Access to Justice for Women and Girls: The Role of Women in Law Enforcement and Peacekeeping*), основанном на её опыте работы помощником начальника полиции графства Бедфордшир (Великобритания) подчеркнула, что права женщин лучше всего реализуются и защищаются членами сообщества, способными признать проблемы женщин, их чувства по этому поводу и способы совладания с нагрузками. Если представители полицейской профессии будут отстаивать права женщин, это будет способствовать рас-

ширению прав и возможностей женщин, и обеспечит культурный прорыв. Это связано с тем, что защита прав женщин полицейскими противоречит патриархальным нормам, ассоциирующимся с этой профессией. Таким образом, женский опыт или «феминистские знания», получают возможность стать основным средством борьбы с гендерным насилием – средством, которым пренебрегли прежние модели право применения. Это важно и в свете растущего количества исследований проблем, с которыми сталкиваются молодые девушки по дороге в школу или другие образовательные учреждения. Как отмечают Натараджан и др. (Natarajan et al. (2017)), студентки колледжей, часто подвергаются сексуальной виктимизации по дороге в вуз. Подобные исследования, основанные на женской перспективе и женском опыте, могут помочь в разработке городской политики, а также задать направление развитию технологий и государственных услуг, способствующих повышению уровня безопасности женщин в городских публичных пространствах и различных институтах.

Насилие и проблемы безопасности – не единственные факторы, мешающие женщинам воспользоваться социальными и экономическими возможностями. Неоплачиваемая забота и домашний труд, которыми женщинам приходится заниматься, ограничивает возможность их выхода на рынок труда и получения работы, обеспечивающей независимость и высокий доход. Результаты исследований показывают, что «во всём мире женщины посвящают неоплачиваемому труду заботы в 2–10 раз больше времени, чем мужчины» (Ferrant et al., 2014). Очевидно, что государства не признают труд заботы как неотъемлемую часть национальной экономики и человеческой жизни. Отсутствие оплачиваемого отпуска по уходу за ребёнком, социальных льгот и пособий – самые важные недостатки систем соцобеспечения, приводящие к тому, что женщины либо не выходят на рынок труда, либо покидают его после рождения ребёнка. Если позже эти женщины захотят трудоустроиться, как правило, они будут вынуждены поступить на неформальную работу, не предполагающую социальной защиты. Как обсуждалось в ходе панельной дискуссии «Женщины, возвращение на рынок труда и социальная защита» (*Women, Re-Entry and Social Protection*), такой структурной дискриминации прежде всего подвержены женщины-заключённые, которым особенно трудно

вернуться на рынок труда из-за краткой трудовой биографии. Очевидна нехватка семейно-ориентированной политики, которая бы регулировала распределение обязанностей между женщинами и мужчинами в семье, а также обеспечивала баланс между работой и семьёй. Это затрагивает жизнь женщин во всем мире, но сильнее всего сказывается на неблагополучных женщинах, ранее переживших тюремное заключение и соответствующее поражение в правах. Прибавим к этому отсутствие мер, позволяющих заключённым продолжать обучение и участвовать в общественной жизни в период содержания под стражей.

Реализация мер защиты и социальной помощи для женщин требует комплексного, всеобъемлющего подхода. Как проследить, чтобы правовые и политические интервенции осуществлялись на практике? Государства должны стать более проактивными и приложить все силы для того, чтобы как можно больше женщин получило доступ к социальным механизмам, которые не только обеспечат им защиту, но и позволят им добиться успеха. Организации гражданского общества, такие как Международная социологическая ассоциация, помогают просвещению управленческих структур в отношении данных проблем и выступают в защиту политики и практики гендерного равенства. ■

1. Автор статьи является представительницей молодых социологов МСА при ООН. В 2019 году Бенджи Сюлло впервые участвовала в LXIII заседании Комиссии по положению женщин.

2. Организаторами панельных дискуссий стали Международная социологическая ассоциация, Американское криминологическое общество, Всемирное общество виктимологии, Криминологи без границ. В Сети доступна видеозапись, на которой [доктор Розмари Барбере](#), представитель МСА при ООН, рассказывает о КПЖБЗ в ООН. Кроме того, доступны [видео](#)- и [фотоматериалы](#) всех шести панелей, а также [списки литературы](#), подготовленные представителями МСА при ООН.

Литература:

Ferrant, G., L.M. Pesando, K. Nowacka (2014). “Unpaid care work: The missing link in the analysis of gender gaps in labour outcomes.” OECD Development Centre Policy Brief.

Natarajan, M., Schmuhl, M., Sudula, S. & Mandala, M. (2017). “Sexual victimization of college students in public transport environments: a whole journey approach.” *Crime Prevention and Community Safety*, 19(3-4): 168–182. (Special Issue: Women’s victimisation and safety in transit environments: An international perspective).

Адрес для связи: Бенджи Сюлло <bsullu@gradcenter.cuny.edu>